



Странник

Игорь Чужин

Странник

«Центрполиграф»

2010

Чужин И. А.

Странник / И. А. Чужин — «Центрполиграф»,
2010 — (Странник)

Мир Средневековья жесток и беспощаден, жизнь простого человека тут не стоит ничего... Чтобы выжить, нужно бороться. Но как простой сисадмин, оказавшись в этом жестоком мире после удара молнии, может выжить? Как, если он к тому же в положении раба? Но у судьбы на него другие планы...

© Чужин И. А., 2010

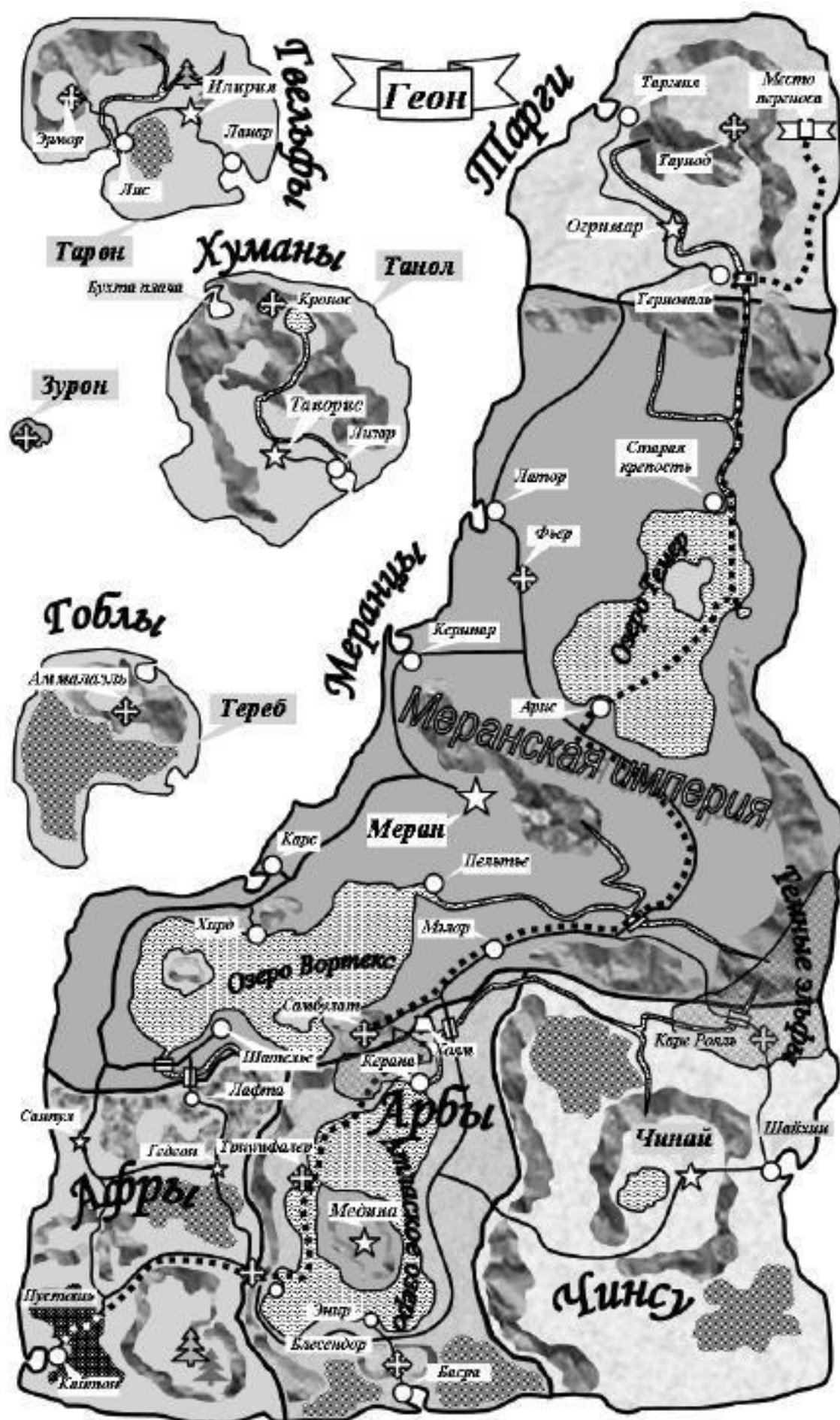
© Центрполиграф, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Чужин

Странник



ПРОЛОГ

Зорг открыл глаза, зевнул и потянулся всем своим двухметровым, могучим, бесхвостым телом. По двум оскалившимся саблевидным клыкам, каждый размером с хороший кинжал, на землю стекала слюна. Между клыками зверь высунул раздвоенный, как у змеи, полуметровый язык. Кончиком языка зорг ловил запахи ночного леса, выискивая между ними запах добычи. Голодное урчание в животе гнало зверя на охоту. Зорг подошел к стволу огромного, уходящего в черноту ночного неба дерева и, выгнув спину, стал точить об него когти. Во все стороны полетели ободранная кора и щепки. Зорг отошел от дерева и двумя мощными прыжками взобрался на скалу, нависающую над его логовом. Перед хозяином раскинулись его владения – неширокая, покрытая вековыми деревьями горная долина, по дну которой извивался узкий ручей. Из-за туч выглянула луна, осветив долину мертвенным светом. Из груди зорга вырвался вой, леденящий кровь любого живого существа в долине. Хозяин долины предупредил своих подданных, что вышел на охоту.

Движение вдоль ручья привлекло внимание зорга. Он высунул раздвоенный язык в его направлении и начал ощупывать им влажный ночной воздух. Слабый порыв ветра принес сладковатый вкус свежей крови. Раненая добыча, понял зверь. Охота будет легкой. Гибкое тело могучего хищника скользнуло со скалы и растворилось в темноте. Зорг бесшумно двигался к месту будущей засады, огибая добычу по дуге с наветренной стороны. Обогнав добычу, он взобрался в нишу на скале, нависавшей над руслом ручья. Ниша была прикрыта листьями лиан, обвивавших скалу, и представляла собой идеальное место для засады. Добыча показалась из-за поворота ручья, ее вид несколько озадачил зверя. Добыча передвигалась на двух задних лапах, немного припадая на одну из них. Незнакомое зоргу существо в одной из передних лап держало странный, слегка светящийся в темноте, изогнутый предмет, а в другой что-то завернутое в кусок шкуры. Зорг решил пропустить существо мимо засады и напасть со спины. Но этому плану не суждено было сбыться. Внезапно шерсть на теле зверя встала дыбом, из горла непроизвольно вырвалось хриплое шипение. Зорг узнал существо – оно было самым страшным кровным врагом хозяина долины. Во вспыхнувшем яростью мозге зверя во всей своей жути встала картина десятилетней давности, когда он, будучи еще маленьким щенком, был буквально придавлен спасшим его тогда страхом. Два таких же, как это, существа, в трех шагах от него, спрятавшегося в кустах, сдирали шкуру с матери зорга. Ужас и ненависть бросили его в отчаянном прыжке на врага...

Воин, наконец, вошел в ритм бега по каменистой тропинке вдоль неглубокого ручья, текущего по дну долины. Боль в раненой ноге отступила, но вероятность ее возвращения заставляла воина прихрамывать, оберегая ногу от излишней нагрузки. Погоню за собой он не чувствовал уже почти сутки. До берега моря оставалось недалеко, а там его ждали друзья и спасение. Раз-два, раз-два, убаюкивая, отдавался ритм бега в голове воина.

«Нет, расслабляться нельзя», – подумал Ингар, так звали воина.

Он тряхнул головой и погрузился в ауру окружающего его мира, выискивая в ней ледяное дуновение опасности и дыхание находящейся поблизости чужой жизни. Опасность Ингар почувствовал за мгновение до нападения.

В стремительном прыжке огромный разъяренный дикий зверь должен был одним ударом правой лапы с выпущенными когтями распороть врага от левой ключицы до паха. В воздухе зверь сгруппировался, чтобы, приземлившись, сразу с разворота атаковать врага. Но чудовищная боль выдираемых из тела внутренностей убила зорга еще в полете.

Время для воина толкнулось и резко замедлило свое движение. «Это зорг», – узнал летящего на него зверя Ингар. Увертываясь от смертельного удара страшной лапы, он стал падать на спину, одновременно вспарывая саблей живот зорга. Быстро перевернувшись и встав в обо-

ронительную позицию, Ингар увидел, как вывалившиеся внутренности зверя зацепились за корягу, торчащую из ручья, и их стало уносить вместе с кровавой пеной вниз по течению. Зорг уже мертвым рухнул к ногам человека.

Ингар медленно сполз спиной по скользкому боку валуна на землю. Пошел откат – так было всегда после того, как он растягивал ход времени. Все тело налилось свинцом, сердце бухало в груди, с трудом проталкивая кровь по сосудам. Трюк с растягиванием времени, сделанный только на одних внутренних ресурсах израненного тела, обошелся воину дорого. Он почувствовал, что открылась рана на ноге и как вместе с вытекающей из нее кровью уходит из тела жизнь. Ингар крепко, до скрипа сжал зубы, – нельзя сдаваться, нужно из последних сил бороться за жизнь. Несколько раз, глубоко вздохнув, он снова погрузился в ауру леса. В мозгу медленно проявлялась энергетическая картина окружающего мира. По стволам деревьев от корней до каждой веточки плавно двигались светло-зеленые энергетические потоки. В ручье голубыми искорками плыли ауры рыбок. В кронах деревьев красными сполохами передвигались ауры белок, вниз по течению ручья были видны ауры кабаньего выводка, пришедшего на водопой. Высоко над головой Ингара небо было покрыто целой сетью потоков энергии. Одни из них выглядели как широкие и ярко-белые ленты. Другие были едва различимыми и имели разные оттенки. Но ему вся эта красота в небе была недоступна. Внутренним взглядом он ощупывал окружающее пространство в поисках энергетического потока красного или желтого цвета.

«Слава Богу», – мысленно перекрестился Ингар: за его спиной в тридцати шагах вверх по течению ручья из расщелины в скале выбивался слабый бледно-желтый поток энергии. Поток пересекал ручей примерно на высоте груди и исчезал в скалах на противоположной стороне ручья.

«Нужно остановить кровь, – подумал Ингар, – иначе не доползти». Ослабевшими руками он затянул покрепче повязку на ране и с трудом поднялся. До расщелины, откуда начинался энергетический поток, Ингар добрался на трясущихся ногах, весь покрывшись холодным, липким потом. Отдышавшись, он сел, оперевшись спиной на скалу, и закрыл глаза. Внутренний взгляд воина нашел место, где лучик энергии выбивался из скалы, и поднял левую руку, пропуская энергию через нее. Теперь необходимо было войти в резонанс с потоком. Это удалось легко. Ингар увидел, как энергия, дойдя до его руки, вливается по ней в тело, наполняя уже опустевшие и поэтому почти погасшие энергетические сосуды. Его сознание управляло потоком, направляя энергию на заживление раны и поднимая жизненный тонус мышц и внутренних органов. В таком состоянии человек находился часа полтора.

«Пора подниматься», – дал команду своему онемевшему телу воин.

Ингар открыл глаза и встал. Медленно размяв мышцы затекшего тела, он направился к валуну, возле которого оставил саблю и сверток. Слава Богу, все было на месте. Воин внимательно осмотрелся. Ничего подозрительного он не заметил. Развязав повязку на ноге, Ингар осмотрел рану. Рана закрылась, но не затянулась.

«На одной энергетической подпитке далеко не уедешь, нужна биологическая еда, лучше всего мясо, но где его взять, вот вопрос?» – подумал воин.

На охоту времени не было, да и охотиться только с саблей было глупо. Взгляд Ингара упал на тело мертвого зверя. Зорг – добыча шикарная, но несъедобная. Он знал, что очень высоко ценилось: шкура, когти, клыки, череп и особенно печень зорга, но мясо считалось несъедобным.

«Стоп, – подумал Ингар, – печень же съедобна».

Он вспомнил, что из печени зорга делали какой-то эликсир, повышающий боевой потенциал воина, но он был очень редким и дорогим. Воин с трудом перевернул гигантскую тушу зверя на бок и осмотрел распоротый живот. Печень была на месте. Вырезав печень, он прополоскал ее в ручье и, сев на камень и закрыв глаза, стал прощупывать ее внутренним взглядом.

Выглядела она немного странно, будто это орган еще живого существа. Следов трупного яда видно не было. Ингар отрезал маленький кусочек и отправил его в рот, внимательно следя за своими ощущениями. На вкус печень была немного сладковатой и терпкой, при этом буквально напичканной различными гормонами и другими биологически активными веществами. Воин за первым куском отправил в рот второй, затем третий. Ингар не любил сырое мясо, но не всегда была возможность приготовить еду на костре, а воин всегда должен быть сытым, от этого зависела жизнь.

Доев печень, он снова осмотрел рану на ноге и с удовлетворением отметил, что она затянулась. На месте раны остался только белый рубец, который слабо чесался. Воин встал с камня и прокрутил саблей вокруг себя всеоружную защиту. Тело слушалось идеально, будто не было почти безостановочного двухнедельного побега от погони. Не зря так высоко ценится печень зорга. Ингар опять погрузился в себя и ощупал мир вокруг внутренним взглядом – погоня не ощущалась.

– Береженого Бог бережет, пора двигаться, – тихо сказал воин.

Он подошел к валуну и попытался взять из лужи подмокший сверток. Энергетический удар отбросил Ингара от него.

«Проклятый амулет, даже через мифрил и кожу пробивает», – выругался он про себя.

Пришлось взять кусок кожи, сухой, который он использовал в качестве повязки на ноге, и, сделав на нем петлю, осторожно накинуть на сверток. Воин, затянув петлю, взял за получившуюся ручку сверток в левую руку и побежал вверх по ручью, на бегу внимательно всматриваясь в тропинку, выходящую впереди между скал.

Долина постепенно сужалась, превращаясь в совсем узкое ущелье: если раскинуть руки в стороны, то можно одновременно коснуться противоположных стен. Ингар остановился и, закрыв глаза, в очередной раз просканировал окружающий его мир. Ничего подозрительного он не заметил, хотя в горах сложно обнаружить засаду. Аура океана билась о скалы всего в часе бега, сразу за ущельем.

Ингар вбежал в ущелье, решив как можно быстрее миновать неприглядный участок пути. Движения его изменились, стали не простым ритмичным бегом обычного человека, а бегом воина, бегом, которому обучаются годами. Только на первый взгляд его движение казалось ровным. Ингар бежал почти незаметным рваным зигзагом, непрерывно уходя с возможной прицельной линии лучника, выцеливающего его из удобной в таком месте засады. До выхода из ущелья оставалось полсотни шагов, когда стрела, пролетев над его плечом, выбила из камня искры, ударившись о скалу. И тут же сверху на тропу перед Ингаром спрыгнул огромный воин.

– Тебе конец, Ингар! – взревел он, заноса над головой двуручную секиру.

И снова Ингар толчком замедлил для себя бег времени.

«Это Кладр», – узнал он здоровяка и сделал выпад.

Кладр, отреагировав на его движение, ударил секирой наискосок через плечо, не давая Ингару отпрыгнуть в сторону.

«Придурок волосатый, – мелькнуло в голове Ингара. – Сила есть – ума не надо».

Но выпад Ингара был ложный: он отпрыгнул, и секира Кладра, просвистев мимо цели, со всего маха вонзилась в землю. Воин рванулся вперед и, глядя в остекленевшие от ужаса глаза Кладра, перерубил тому горло, точно попав саблей в щель между панцирем и шлемом. И, не останавливаясь ни на мгновение, помчался к выходу из ущелья.

Глава 1

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Эта история началась пять лет назад. После окончания МЭИ, чтобы не терять, как я тогда думал, второй год жизни на армию, я сдуру решил идти в армию не на два года «пиджаком», а на год рядовым. Это решение изменило всю мою жизнь. Я не знаю, в лучшую сторону или в худшую, но изменило кардинально. Меня в этом мире зовут Игорь Столяров, я – бывший системный администратор. А сейчас? Впрочем, все по порядку.

В 1995 году меня забрали в армию. Я, как шибко грамотный, попал в полунаучную воинскую часть, которая занималась разработкой то ли пучкового оружия, то ли сверхдальней радиолокации, но в этом я разобраться так и не успел. Через три месяца после призыва на одном из секретных полигонов я тянул кабели телеметрии в бункер управления и по совместительству налаживал компьютерные сети, которые были установлены кривыми ручками наших доблестных офицеров. Только здесь я понял на собственной шкуре абсолютную правоту поговорки: «Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!»

Эксперимент проводился тринадцатого сентября. Наш бункер «сбора и записи телеметрии» находился ближе всех к экспериментальной установке. Что-то там пошло не так, и из семнадцати человек, находившихся в бункере, нас в живых осталось трое. Я вышел из комы только через девять суток. Двое других пришли в себя раньше, но у них обоих напрочь снесло крышу. Меня по-шуструму перевели в госпиталь имени Бурденко, где и продержали еще два месяца. Видимых повреждений на моем теле не наблюдалось, кроме регулярных падений в обморок. Жалоб на здоровье у меня тоже не было. Взяв все мыслимые анализы, а также подписку о неразглашении, меня комиссовали. Месяц отгуляв по полной программе, я устроился системным администратором в супермаркет. Все вроде бы ничего, но любая сложная электронная техника полностью отказывалась со мной работать. Стоило мне подойти ближе двух метров к компьютеру, как он тут же начинал давать сбои в программе или самостоятельно перезагружался. Кроме того, меня било током от прикосновения к любым металлическим предметам, а также доставалось людям, которые прикасались ко мне. В результате всего этого с работы пришлось уволиться. Жизнь моя очень сильно осложнилась. После длительного хождения по врачам и всяческим экстрасенсам нашелся довольно простой способ если не избавиться от этой напасти, то значительно облегчить мое положение. Мой бывший сокурсник, удачно откосивший от армии, работал в каком-то НИИ. Он из спортивного интереса долго пытался определить причину аномального поведения моего организма и случайно попробовал меня заземлить. Как ни странно, это дало положительный эффект. Максимальный результат давало заземление через циркониевый браслет, настойчиво рекламируемый по телевидению. Я стал на ночь с помощью переходника подсоединять себя к батарее отопления. После этой процедуры мои неприятности отступали примерно на двенадцать часов. Я даже смог снова работать с компьютером, предварительно заземлившись за батареею. Правда, устроиться на работу по своей специальности я не мог, слишком странно выглядел системный администратор, привязанный проводом к батарее. Мне срочно пришлось менять профессию.

Выручила меня моя бывшая на сегодняшний день жена Ленка. Я познакомился с ней на вечеринке у заземлившего меня сокурсника. Ленка была высокой, аппетитной, крашеной блондинкой двадцати четырех лет. Девушка уже побывала замужем, так что в вопросах семьи и брака она разбиралась значительно лучше и поэтому окрутила меня за месяц. Жена была особой активной, с легким «сдвигом по фазе», я в то время в результате армейских передрыг находился в таком же состоянии. В общем, как говорится, мы нашли друг друга. Ленка работала в библиотеке, где основным ее занятием было чтение художественной и околохудожественной

литературы, а после работы она подвязалась в клубе толкиенистов. Как ни странно, в клубе она была не последним человеком и, конечно, потащила меня туда. На первый взгляд это было собрание буйно помешанных малолеток, но только на первый взгляд. Руководство клуба представляло собой довольно интересную компанию. Десяток великовозрастных, лет под тридцать, юношей и девушек неплохо кормились за счет младших членов клуба, впаривая им различную литературу и атрибутику. Дополнительным доходом являлись членские взносы, а молодежи в клубе было человек триста.

Во времена моей учебы в школе я занимался фехтованием в ДЮСШ. К моменту поступления в МЭИ из меня получился подающий некоторые надежды саблист. Это помогло мне с минимальными усилиями поступить в институт. В МЭИ мои занятия фехтованием особыми достижениями не увенчались, так как моя лень и чрезмерное увлечение женским полом негативно сказывались на спортивных успехах. На тренировках я с легкостью побеждал всех своих соперников, но на соревнованиях никогда не поднимался выше второго-третьего места. В конце концов тренер на меня плюнул, и я бросил заниматься фехтованием. В клубе толкиенистов эти мои умения и корочки мастера спорта по фехтованию неожиданногодились. Так я стал инструктором по историческому фехтованию, при этом рубил неплохие бабки.

Толкиенисты регулярно выезжали на природу, где жили по законам книги «Властелин колец», и регулярно устраивали сражения между клубами. В мои обязанности входила подготовка этих побоищ. Я обучал и инструктировал молодняк таким образом, чтобы они сдуру не поубивали друг друга палками, заменяющими им мечи, и не повыкалывали друг другу глаза стрелами. Организация сражений включала в себя контакты с предводителями конкурирующих клубов. Так я вошел в круг людей, сделавших историческое фехтование своей профессией. Занявшись историческим фехтованием, я с удивлением узнал, что это целая индустрия и неплохой бизнес. Тысячи людей по всей России занимаются изготовлением оружия и доспехов, изучают тактику и стратегию древних битв, участвуют в турнирах и делают реконструкции знаменитых сражений.

Через год моих занятий в клубе для поднятия собственного имиджа мне захотелось купить себе приличные меч и доспехи. Я напугал своих знакомых и через них вышел на известного в узких кругах кузнеца по прозвищу Вакула. Вакула доступно объяснил, во что обойдется мне это удовольствие. Лишних пяти тысяч баксов у меня не оказалось, поэтому он предложил мне стать у него подмастерьем и самостоятельно сделать себе меч и доспехи. За это я должен научить его фехтовать, чтобы он мог чувствовать качество оружия «в деле», так как у его изделий были проблемы с правильной балансировкой, а это очень снижает их цену у заказчиков. Вакула видел, как я кручу веерную защиту саблей его изготовления на одной из тусовок. Моя критика неправильной балансировки клинка, а также корочки мастера спорта по фехтованию на саблях произвели на него неизгладимое впечатление.

Сразу на предложение Вакулы я не согласился, взяв время подумать, но через неделю принял его условия, деваться мне было некуда. Так я стал осваивать новую профессию.

Прошел еще один год, я практически все время проводил в кузнице у Вакулы или изучал литературу по кузнечному делу. Моя семейная жизнь дала трещину. Общих интересов у нас с Ленкой почти не было, начались скандалы, и в конце концов мы разошлись. Развелись мы на удивление спокойно, без скандалов и мордобоя. Супруга забрала свои вещи из доставшейся мне в наследство однокомнатной хрущевки и плавно уплыла в направлении очередного, более богатого придура.

Мои успехи в кузнечном деле были посредственными. С теорией у меня все было в порядке, но практика хромала на обе ноги. Я мог отковать стандартный боевой меч или саблю с хорошей балансировкой и качеством металла, но довести их до товарного вида у меня не получалось. Для освоения искусства полировки, гравировки, травления, чернения и так далее и тому подобное мне предстояло учиться еще очень долго. За время моего обучения прояви-

лись некоторые странности. Заготовки для оружия, выкованные мной, получались процентов на двадцать прочнее, чем у моего учителя, хотя он был намного искуснее меня. Делали мы все абсолютно одинаково, а результат получали разный. Был еще один непонятный нюанс. Если оружие, кованное мной, находилось у меня в руках, то его прочность и острота возрастали еще процентов на тридцать. Этим эффектом мы с Вакулой пользовались при продаже наших клинков. На различных сборищах реконструкторов я красиво рубил пополам клинки конкурентов, что значительно повышало цену нашего оружия. Один из мечей, откованный мной и доведенный до совершенства Вакулой, мы продали в Германию за пять тысяч евро.

Однажды во время работы в кузнице вырубился свет. Я в это время полировал заготовку меча и увидел в темноте, как по клинку движутся едва заметные голубые сполохи. Я положил меч, сполохи через минуту исчезли, взял меч в руки – и сполохи появились снова. Меня прошиб холодный пот – меч узнавал меня. Сполохи я стал видеть на всем оружии, заготовки для которого ковал я, при этом чем дольше я проковывал заготовку, тем сильнее были сполохи. Оружие, которое я не ковал, никак на меня не реагировало.

Прошел еще один год. За время моей работы в кузнице я намахал себе довольно эффектную фигуру и здоровье. Трюк со сгибанием подков был моим коронным номером в дамской среде. Мы с Вакулой довольно часто участвовали в различных рыцарских турнирах, слетах исторических клубов и оружейных мастеров, бойко рекламируя на всех этих мероприятиях свою продукцию. Я с голым торсом лихо крутил двумя мечами веерную защиту или с дикими криками рубил в капусту щиты, доспехи и оружие соперников. Вакула после такой рекламы бойко распродавал наши изделия по завышенным ценам. Наша «контора» процветала. Нам даже удалось пробиться на выставку-ярмарку холодного исторического оружия во Франкфурт.

На выставке произошла довольно забавная история. Один распальцованный новый русский, из кругов коллекционеров холодного оружия, решил прикупить себе крутую японскую катану. Для того чтобы, как он сказал, не лохануться, в качестве эксперта был взят Вакула. Это решение оказалось большой ошибкой, так как Вакула был с большого бодуна, а в этом состоянии он непредсказуем. Всей толпой, состоящей из нового русского, переводчика, Вакулы и меня, мы направились к павильону наикрутейшего японского мастера, у которого простой столовый ножик стоил не меньше двух тысяч евро. Там новый русский стал выбирать себе катану. Выбрав клинок за пятьдесят тысяч евро, он спросил мнение Вакулы. Неопохмеленный Вакула выдал, что данная железка, конечно, выглядит красиво, но к боевому оружию не имеет никакого отношения и годится только шинковать капусту и точить карандаши. Вся эта фраза была переведена японцу, который лично впаривал катану клиенту. В ответ на заявление Вакулы оскорбленный японец сказал, что Вакула безграмотный балабол, а он, Такаси Кабаяси, один из лучших мастеров Страны восходящего солнца, и вообще японским мастерам никто и в подметки не годится. Зря он это сказал. Вакулу понесло. Сделав стойку, он заявил, указывая пальцем на меня, что его ученик сейчас сбегает на наш стенд и принесет самую обычную саблю и настрогает суши из продукции японца. На это наглое предложение Вакулы покрасневший как рак японец поклялся, что сделает себе харакири, если любая наша железка хотя бы поцарапает его катану. Я, весь в липком поту, сбегал к нашему стенду, взял самую лучшую саблю и вернулся в павильон японца. Скандал достиг своего апогея. Японец шустро махал катаной, при этом изо рта у него летела пена, а Вакула показывал руками ему разные непристойные жесты из международного фольклора. Увидев меня с саблей, японец положил катану лезвием вверх на дубовый демонстрационный чурбак и, обматерив меня по-японски, кивнул, мол, руби. Я закрыл глаза, мысленно перекрестился и махнул восьмеркой сначала через правое, а затем через левое плечо. Все произошло как в замедленном кино: катана жалобно звякнула и развалилась на три части. Такаси Кабаяси буквально осел. Вид у японца был таким, будто его принародно кастрировали. Первым в себя пришел новый русский: он буквально выпихнул нас из павильона. Мы легкой трусцой побежали к нашему стенду, по дороге обдумывая даль-

нейшие действия, если японец сделает нам предъяву за испорченное имущество. Пятидесяти тысяч евро у нас не наблюдалось, даже если продать наши трупы в знаменитый немецкий анатомический театр. Ничего более умного, чем нажраться до пороссячьего визга в ближайшем гаштете, нам в голову не пришло. На следующий день с больной головой мы с Вакулой упаковывали манатки, чтобы втихаря смыться, но были остановлены делегацией, состоящей из Такаси Кабаяси, нового русского, переводчика и еще нескольких непонятных личностей. Мы с Вакулой представляли собой живую картину «Кто виноват?» или «Все те же и беременная бабушка». Но Такаси Кабаяси не стал предъявлять нам никаких претензий, а предложил сэн-сэю Вакуле продать ему злополучную саблю за двадцать тысяч евро. Вакула согласиться не успел, как вопрос продажи сабли взял на себя новый русский. Он быстро объяснил японцу, что наше выдающееся произведение оружейного искусства не может стоить дешевле его недоделанной катаны. Они минут десять подпрыгивали, махали руками и сошлись на шестидесяти пяти тысячах евро. Такаси Кабаяси выписал чек и с поклоном удалился, забрав нашу саблю. Вакула душевно поблагодарил нового русского за помощь. На это тот ответил, что его помощь не стоит благодарности, а стоит двадцать пять тысяч евро и мы должны пошустрее обналичить чек и отдать ему бабки во избежание недоразумений. Вот тут-то до меня наконец дошло, почему одни богатые, а другие бедные.

Больше искушать судьбу мы не стали и, свернув стенд, на следующий день вернулись в Москву. По прилете домой я поставил большую свечку в ближайшей церкви и целую неделю обмывал с Вакулой наше спасение.

После такой рекламы заказы посыпались на нас как из рога изобилия, но тут у меня снова пошатнулось здоровье. Заземление стало помогать на более короткий срок, постоянно болела голова, меня тошнило. Я решил, что переутомился, и уехал отдыхать на дачу к родителям.

* * *

Рыбалка – лучший отдых. Я сидел на берегу Клязьмы и смотрел на поплавок, клевало плохо. В моем садке плескались три плотвички, вообще-то кошке Муське хватит. С севера надвигалась черная грозовая туча. Пора было сматывать удочки. Я собрался, сел на старенький велосипед и направился в сторону дачи. Убежать от грозы я явно не успевал и поэтому спрятался в старой автобусной остановке. Она стояла рядом с линией электропередач на просеке. Туча была уже над остановкой, но дождь почему-то еще не начинался. Из тучи ударила молния прямо в опору линии электропередач, и через секунду от страшного удара грома я свалился на пол остановки, зажимая руками уши. Молнии стали бить из тучи почти без перерыва. Раскаты грома превратились в непрерывный рев. Как будто вращающийся черный занавес закрыл все вокруг от меня. Воздух стал плотным и тягучим, по металлическому каркасу остановки заструились электрические разряды огней святого Эльма. Всего меня буквально разрывало от множества маленьких голубых молний, срывающихся с моего тела и бивших в стены остановки. Туча над головой стала превращаться в гигантскую вращающуюся воронку, уходящую в небо. Огромная молния, похожая на ветвистое перевернутое дерево, ударила в землю и, выжигая за собой черный искрящийся след, двинулась от опоры ЛЭП к остановке. Мир внутри меня взорвался на миллионы сверкающих осколков, и я провалился в черную пустоту.

Глава 2

РАБ

Высоко в небе Геона парила черная птица. Зоркие глаза падальщика выискивали добычу. Внимание птицы привлек караван из четырех повозок, который сопровождало несколько всадников. Караван съехал с дороги и остановился в небольшой роще. Птица стала снижаться. Падальщик знал, что там, где двуногие, почти всегда можно чем-нибудь поживиться. Инстинкт не подвел птицу: недалеко от рощи лежало голое тело двуногого. Падальщик, опустившись еще ниже, стал кружить над неподвижным телом, стараясь определить, жив двуногий или нет. Птица знала, что живой двуногий очень опасен.

* * *

Солнце палило нещадно. Гур снял с пояса флягу и сделал два небольших глотка. Теплая вода не принесла облегчения, но пить больше было нельзя, изойдешь потом. Мысли хозяина каравана были тяжелыми. Трудный четырехмесячный поход приближался к своему концу и одновременно к провалу. Все из-за этого идиота Барта. Он мысленно проклинал себя за то, что поддался на уговоры Кладра и взял с собой в поход этого полоумного громилу. Получилось так, что Гур перехитрил сам себя. Конечно, он хотел угодить старшему сыну вождя клана, и вот теперь приходилось расплачиваться за свою ошибку. По договору с храмом караван должен привезти двенадцать рабов, а из-за Барта их осталось только одиннадцать. Гур обреченно вздохнул. За каждого раба храм обязывался заплатить по двести пятьдесят серебряных монет, а теперь он получит только по пятьдесят. Высокая цена за рабов определялась тем, что все рабы должны быть хорошими воинами и числом ровно двенадцать. В день летнего солнцестояния эти рабы будут сражаться с воинами храма во славу богини Сиды. Оставшиеся в живых в этой битве станут воинами храма на следующие три года, а затем все повторится сначала.

Гур остановил коня и, дождавшись, когда первая повозка догонит его, дал команду вонизе сворачивать к небольшой роще возле дороги. Каравану было необходимо переждать полуденную жару и напоить лошадей. Повозки свернули с дороги и остановились в тени деревьев, окружавших небольшой каменный бассейн с прозрачной водой. Гур глазами опытного воина быстро оценил обстановку и, не заметив опасности вокруг стоянки, дал команду распрячь и напоить лошадей и сам прильнул губами к поверхности воды в бассейне. Несмотря на жару, живительная влага оказалась на удивление холодной, ломила зубы и хорошо освежала. Гур, утолив жажду, сел на каменное обрамление бассейна и, вылив остатки воды из своей фляги, заново наполнил ее. Теперь его внимание привлек падальщик, кружащийся неподалеку от рощи.

– Эй, придурок, – обратился он к Барту, – посмотри, что там, – и ткнул пальцем в направлении падальщика.

Барт нехотя стал седлать уже расседланную им лошадь и, бубня что-то себе под нос, медленно направился в указанном направлении. Гур закрыл глаза и погрузился в полудрему.

Странное беспокойство рывком подняло хозяина каравана на ноги. Он одним движением вскочил на спину коня и прямо без седла поскакал в сторону, куда отправил Барта. Шестое чувство и в этот раз не обмануло его. Гур увидел, как тупой громила злобно пинает голого человека, свернувшегося калачиком на земле. Перекинув ноги на одну сторону коня, старый воин на всем скаку обрушился на Барта. Придурок кубарем покатился по земле. Не дожидаясь, пока этот идиот придет в себя, Гур ударом ноги в зубы отправил его в беспамятство. Перевернув бесчувственное тело Барта на живот, Гур его же поясом стянул ему руки за спиной.

Оставив придурка лежать лицом в пыли, воин повернулся к избитому Бартом человеку – того рвало. По всей видимости, Барт успел его хорошо отделать. Гур снял с пояса флягу и, подняв тому голову, попытался напоить водой. Человек закашлялся и стал большими глотками пить воду из фляги. Гур внимательно осмотрел человека.

«Судьба все-таки благосклонна ко мне», – подумал Гур.

Человек, жадно пивший воду из его фляги, очень походил на хумана. Судьба послала Гуру двенадцатого раба, и не просто раба, а хумана. Воин хуман был большой редкостью и очень высоко ценился. Хуманы жили далеко от материка на острове Танол. За свою жизнь Гур только раз сталкивался в бою с хуманами, это было лет двадцать назад, когда он с ватагой молодых воинов напал на купеческий караван. В их ватаге насчитывалось пятнадцать воинов, а охрана каравана состояла всего из четырех хуманов. Хуманы ростом ниже таргов и уже в кости, поэтому добыча казалась Гуру легкой. Он спасся тогда чудом: молниеносный удар меча хумана распорол кольчугу на левом плече, а от второго, уже смертельного удара Гура спасли только быстрые ноги и то, что хуман поскользнулся в крови убитого товарища Гура. В живых из ватаги Гура осталось только трое его соплеменников, да и то все были ранены. Хуманы тогда не стали их преследовать, поэтому они и остались в живых.

Нынешний хуман выглядел довольно странно: он был голым и безволосым. У Гура создавалось впечатление, что одежда хумана сгорела прямо на нем вместе с волосами. Воин внимательно осмотрелся и увидел в нескольких шагах от обнаженного спекшийся песок – это был след от удара молнии. Он вспомнил гроыхавшую под утро довольно редкую, сухую грозу. Значит, хуман попал под удар молнии, который спалил на нем одежду и волосы. Как ни странно, серьезных ожогов на теле хумана заметно не было, только странный ветвистый след молнии пересекал его грудь, значит, жить будет. Гур жестом приказал хуману подняться и идти за ним к каравану.

* * *

Я пришел в себя от болезненного удара в бок. В голове звенело так, будто я пробил ею кирпичную стену. Уперевшись руками в землю, я попытался встать на ноги. Меня качнуло, и я сумел только сесть. Перед моими глазами стояли две здоровенных ноги в странной обуви, не похожей ни на что, что мне приходилось встречать в жизни. Подняв взгляд, я увидел перед собой широкоплечего двухметрового громилу с длинными волосатыми руками. Рожа этого полужверя-получеловека повергла меня в шок. Из-под низкого лба на меня смотрели глаза с вертикальным разрезом, приплюснутый нос был как у гориллы, верхняя и нижняя челюсти по-бульдोजьи выдавались вперед, при этом изо рта торчали такие же бульдожьи клыки. Это чудовище что-то ревело мне в лицо. Меня пробило на икоту. Зверюга протянула руку и, взяв за шею, подняла меня на ноги. Из моей груди вырвался затравленный писк. Повиснув на волосатой руке, я обеими ногами изо всех сил ударил в грудь этому чуду природы. Чудо глухо ухнуло и, выпустив мою шею, отступило на шаг назад. Я плюхнулся на землю. Вражина снова что-то проревела и ударила меня ногой в живот. От удара меня вырвало прямо на ноги зверюге. Такой поворот событий взбесил гада еще больше, и удар его огромного кулака в момент буквально изуродовал мое лицо. Здоровенные ноги пинали мое тело, как футбольный мяч. Я не знаю, почему я не потерял сознание, но мне удавалось прикрываться руками от ударов в голову и по животу. Неожиданно избивающий меня громила отлетел в сторону, сбитый с ног другим таким же громилой. Мой спаситель двинул ногой по зубам напавшему на меня мордовороту и, связав его ремнем, подошел ко мне. Приблизившись, он что-то прорычал и дал мне флягу с водой. Я жадно пил холодную воду, стараясь погасить огонь, который сжигал изнутри мое тело. Потом мой спаситель жестами приказал мне встать и идти за ним. Я безропотно подчинился и поплелся следом за лошадью, на которую он сел.

Через некоторое время мы подошли к небольшой роще, в глубине которой находился источник, из него в бассейн стекала вода. Вокруг источника расположился лагерь небольшой караван. Мой спаситель ткнул пальцем в сторону группы существ, расположившихся в тени одного из деревьев, и что-то прорычал. Я понял, что мне нужно идти туда. Когда я подошел к указанному месту, то увидел, что существа, сидящие под деревом, скованы цепью и рядом с ними стоят два охранника, вооруженные здоровенными топорами. Один из охранников достал из стоящей рядом повозки ошейник с цепью, надел его на меня и пристегнул к общей цепи. Так я стал рабом.

Глава 3

ИНГАР

Допотопную повозку, в которой помимо меня находилось еще пятеро закованных в цепи рабов, нещадно трясло на неровностях разбитой дороги. Уже прошло два дня с того момента, как я оказался в этом мире. Осознание всего произошедшего давалось мне с трудом. Только на вторые сутки ко мне вернулась способность хоть как-то анализировать происходящее со мной. Первый день после перехода в этот мир я помнил отрывками. Сначала меня избили, после чего посадили на цепь. Потом меня вымыли, вылив на мою голову три ведра холодной воды. Какая-то личность с синей рожей смазала ожоги и ссадины на моем теле вонючей мазью. Один из охранников выдал мне грязные штаны и рубаху. Через некоторое время кто-то сунул в мои руки глиняную миску с едой, похожей на перловую кашу, сдобренную жиром. Вместо ложки в миске лежала деревянная лопаточка. Попытки съесть кашу поначалу успехом не увенчались. Я не мог просунуть импровизированную ложку в рот. Мои разбитые в кровь губы распухли и не давали просунуть пищу между ними. Произошедшее полностью лишило меня способности думать, тело работало отдельно от сознания. Тело хотело есть, и руки сами пропихивали между разбитыми губами ложку с кашей, несмотря на обжигающую боль. После еды охранники загнали рабов в две повозки, представлявшие собой деревянные клетки на колесах, и караван двинулся в путь. Мое сознание вновь отключилось. В памяти осталась только невыносимая жара и боль в избитом теле. Вечером караван остановился возле колодца в каких-то развалинах. Нас выпустили из повозок и опять покормили кашей. Рабы, измотанные жарой и дорожной тряской, улеглись спать на голой земле. Всю ночь мне снились кошмары. Во сне я убегал от ужасных чудовищ и никак не мог убежать. Мир вокруг потерял четкие очертания. Предметы, деревья и живые существа выглядели переливающимися сгустками приглушенного огня. На небо над моей головой была накинута разноцветная сеть, сквозь редкие ячейки которой мигали яркие звезды. В голове звучал чужой голос, вопрошающий, кто я и как меня зовут. Я пытался проснуться и не мог. Из сна меня выдернули за цепь на ошейнике. Охранник, показавшийся продолжением ночного кошмара, пинками разбудил рабов, после чего погнал нас к колодцу. Из колодца мы напились воды и кое-как умылись, помогая друг другу. Наш завтрак состоял все из той же каши. После еды караван снова двинулся в путь.

Я сидел на скамье повозки с закрытыми глазами и старался привести в порядок свои чувства и мысли. В моем воспаленном мозгу мелькали картины всего произошедшего за последние сутки. Здесь были и гигантская молния, которая ударила в меня, мордоворот, избивающий ногами, и цепь с рабским ошейником. Несколько раз, глубоко вздохнув, я стал медленно открывать глаза в надежде, что все происходящее – сон. Передо мной возникло лицо человека, внимательно вглядывающегося в мои глаза. Лицо было странным, но человеческим. Человек что-то говорил на незнакомом гортанном языке. Я помотал головой, давая ему понять, что не понимаю его. Человек, по-видимому, понял этот жест и, оперевшись спиной на решетку повозки, перестал мной интересоваться. Я осмотрелся вокруг. В клетке на колесах сидело еще пятеро моих братьев по несчастью. Выглядели они по-разному, но самый жалкий вид имел я. Человек, пытавшийся разговаривать со мной, был примерно моего роста и телосложения. Его кожа имела слабый оливковый оттенок. На длинном узком лице выделялся большой горбатый нос, похожий на носы древних майя с фресок на пирамидах в Южной Америке. Глаза были обычными, человеческими, только белки глаз – голубые. Узкие губы. Волосы на макушке собраны в конский хвост и перевязаны кожаным ремешком. Самыми примечательными в его облике являлись заостренные кверху уши. Мама дорогая, да это же эльф. Одет он был в расши-

тые геометрическим орнаментом кожаные рубахи и штаны. На ногах эльфа красовались мокасины. Заметив, что я проявляю к нему интерес, человек ткнул себя пальцем в грудь и сказал:

– Леор.

Я в ответ показал пальцем на себя и произнес разбитыми губами:

– Игорь.

– Ингар? – переспросил Леор.

Я в ответ кивнул. Получилось, что в новый мир я пришел под именем Ингар.

Мое место находилось в задней части повозки возле выхода из клетки, поэтому хорошо рассмотреть мне удалось только сидящего напротив меня Леора и тех двоих, кто сидел рядом с ним на одной скамье. Внешний вид этих моих попутчиков резко отличался от облика Леора. Людьюми этих существ можно назвать только с очень большой натяжкой. Ростом они были ниже меня и тоньше в кости. Кожа у обоих была серо-зеленая. На их узких овальных лицах отсутствовал нос, вернее, его заменяло отверстие с кожистой перепонкой, открывающейся и закрывающейся в такт дыханию. Глаза очень напоминали глаза ящерицы, при этом они находились по бокам головы и двигались отдельно один от другого, что обеспечивало практически круговой обзор. Безгубый рот существ был полон зубов, похожих на зубья пилы. Короткие зеленые волосы на голове моих попутчиков росли пучками. Одежда существ тоже состояла из кожаных рубахи и штанов, но поверх рубах надеты жилеты с нашитыми металлическими кольцами. Ноги существ обуты в высокие ботинки с кожаными шнурками.

Солнце подходило к зениту, и наш караван, тащившийся по сухой степи, свернул с дороги к небольшой роще, похожей на ту, где я стал рабом. Караван остановился возле бассейна с водой. Нас выпустили из повозки и, дав напиться воды из бассейна, приковали цепью к столбу, торчащему из земли в тени похожего на пальму дерева. Недалеко от нас к такому же столбу приковали рабов из второй повозки. Привал дал мне возможность внимательно рассмотреть всех моих попутчиков. Караван состоял из четырех повозок на примитивных колесах без спиц. Две повозки представляли собой клетки на колесах, и в них везли рабов. Две другие повозки походили на обычные телеги. Клетки с рабами были запряжены четверками лошадей, а телеги тащили по две лошади. Звери, которых я для удобства называл лошадьми, больше походили на полосатых, как зебры, безгорбых верблюдов, чем на лошадей. Охранниками каравана являлись десять всадников с бульдожьими мордами. Командовал ими громила, спасший меня от избиения. Обслуживали караванщиков шестеро широкоплечих типов с синими рожами, похожими на гибрид человека и безволосой обезьяны. Эти существа выполняли в караване всю черную работу: разбивали лагерь, кормили лошадей, готовили пищу. Одеждой обслуге служила такая же, как у меня, грубая дерюга. Ходили эти существа босиком. Шестеро рабов из второй повозки и двое из моей являлись людьми. Их внешность, цвет кожи и одежда выглядели по-разному, но они были людьми. Все рабы в караване, по всей видимости, в прошлом были воинами, это заметно по их одежде, больше похожей на доспехи, и по независимому поведению.

Типы с синими рожами накормили рабов кашей, после чего устроили нам помывку, обливая водой из бассейна. Один из типов с глиняным горшком в руке подошел ко мне и, приказав жестами снять одежду, смазал повреждения на теле вонючей мазью из горшка. Караван пережидал полуденную жару, и я погрузился в полудрему.

Глава 4

ЛЕОР

После того как жара несколько спала, охрана загнала нас в повозки, и караван снова двинулся к неизвестной мне цели. Через некоторое время караван выехал на дорогу, выложенную каменными плитами, и нещадная тряска прекратилась. Дорога вела к покрытым зеленью холмам. Меня укачало, и я заснул под монотонный скрип колес. Мне снова приснился мир, где все вокруг меня стало выглядеть переливающимися сгустками неяркого огня. В голове опять зазвучал голос.

«Ингар, ты слышишь меня?» – спрашивал голос, и я ответил:

«Слышу».

Чья-то рука трясла меня за плечо. Открыв глаза, я увидел перед собой лицо Леора, буквально впившегося в меня взглядом. Голос в моей голове, не переставая, спрашивал, слышу ли я его.

– Слышу, – повторил я вслух.

Леор поднес палец к своим губам, давая мне знак замолчать.

«Ингар, ответь мне внутренним голосом», – прозвучало в голове.

«Да, я слышу тебя. Кто ты?» – ответил я.

«Я – Леор», – ответил голос.

«Как ты говоришь со мной?» – спросил я Леора.

«Ингар, у тебя есть Сила, я мысленно могу говорить только с теми, кто ею обладает».

«Леор, почему ты решил, что у меня есть какая-то Сила?»

«Я ее вижу, – ответил голос. – Закрой глаза, успокойся и посмотри в глубину себя, и ты тоже увидишь Силу».

Я закрыл глаза и постарался успокоиться. В первое время ничего не произошло, но голос в моей голове призывал не торопиться и посмотреть в глубину себя как бы со стороны. Несколько минут я просидел с закрытыми глазами, стараясь погрузиться в глубину собственного сознания. Темнота внутри меня стала понемногу приобретать голубой цвет, затем на этом фоне стали проявляться разноцветные, переливающиеся волнами силуэты. Постепенно силуэты становились более четкими, и я стал узнавать в них окружающие меня предметы, людей и животных. Я смотрел на мир как будто через прибор ночного видения, только изображения были разноцветными и переливающимися. Внутреннее зрение имело необычные свойства. Взгляд изнутри имел круговой обзор, то есть я видел одновременно все происходящее вокруг меня. Если мне хотелось что-либо рассмотреть подробнее, то внутренний взгляд мог приблизить объект и даже осмотреть его со всех сторон. Мое сознание поднялось над караваном, и я увидел его как бы со стороны. Но вдруг голос Леора оборвал мои эксперименты.

«Ингар, посмотри на меня», – приказал голос.

Мой внутренний взгляд переключился на силуэт, сидящий напротив. Силуэт Леора отличался от силуэтов других людей. Свечение вокруг его головы было значительно сильнее, чем у других, и из нее исходил светло-оранжевый луч энергии, похожий на луч лазерной указки. Когда этот луч светил на меня, я слышал голос Леора.

«Леор, этот луч, который исходит от тебя, и есть Сила?» – спросил я.

«Ингар, ты видишь луч Силы?» – переспросил голос.

«Да, я вижу его».

«Странно, я вижу только твою ауру, и все. Наверное, твой дар больше моего», – удивился Леор.

Голос попросил рассказать о том, что я вижу и как выглядит для меня окружающий мир. С трудом подавив в себе желание похвалиться своими вновь приобретенными возможностями, я рассказал Леору, что вижу только его ауру и луч, исходящий из головы. Беседа с Леором давалась мне все труднее и труднее. Я почувствовал, что мои духовные силы на исходе, и, извинившись перед Леором, прервал разговор. Выйдя из состояния транса, я открыл глаза и осмотрелся. Наш караван двигался уже по дороге среди холмов, покрытых лесом. Тень от деревьев, растущих вдоль дороги, защищала нас от палящих солнечных лучей, а лесная прохлада охлаждала разгоряченные пустыней тела. Эксперименты с Силой выжали меня как лимон, и я снова заснул.

Глава 5

НОВЫЙ МИР

Я проснулся от тряски, вызванной тем, что караван въехал на мост с бревенчатым настилом. Сразу за мостом вдоль реки раскинулся поселок, застроенный одноэтажными домами под черепичными крышами. По улице, начинавшейся от моста, караван доехал до центральной площади поселка. Площадь окружали несколько двухэтажных каменных домов. Из колодца в центре площади четверо рабов в ошейниках наливали воду в небольшой бассейн. От площади в радиальных направлениях расходились четыре улицы. Повозки остановились у колодца, где их сразу окружили вездесущие мальчишки. Охранники поначалу пытались отогнать их от повозок, но потом, поняв бессмысленность этого, занялись своими делами. Мальчишки, окружив повозки плотным кольцом, что-то кричали и громко смеялись, тыкая в нас пальцами. Через некоторое время из одного из зданий вышел хозяин каравана и отдал команду двигаться дальше. Караван свернул на одну из улиц, отходящих от площади, и поехал к окраине поселка. Лошади остановились возле двухэтажного здания, огороженного высокой каменной стеной. Нас выгрузили из повозок и завели во двор. Мне показалось, что это постоялый двор, хотя я никогда в жизни не видел постоянных дворов. Охранники сняли с рабов цепи и загнали нас в одноэтажный каменный каземат, находившийся в дальнем углу двора. Каземат оказался каменным мешком длиной шагов двадцать. По всей длине глухой правой стены был устроен деревянный настил, устланный соломой. На противоположной стене находились узкие, как бойницы, окна. Я прошел в дальний угол каземата и уселся на настил. Рядом со мной устроился Леор. Он попытался заговорить со мной, но я показал жестами, что говорить не могу. Леор поднялся и присоединился к группе рабов, оживленно обсуждавших наше положение. Через некоторое время дверь в каземат открылась, и прислуга «отеля» занесла внутрь три деревянных чана с едой и стопку глиняной посуды. За прошедшие трое суток это был первый полноценный обед. На первое нам принесли острый овощной суп с мясом. Вторым блюдом стали тушеные овощи. В третьем чане плескалась чистая холодная вода. Еды было много, и я постарался наесться про запас. Кто знает, когда будет следующий обед?

Утолив голод, я снова забился в дальний угол каземата и притворился спящим. Мне необходимо было разобраться в событиях, произошедших со мной.

Итак, начнем анализ обстановки.

Место, где я нахожусь, – это не Земля. Я непонятным мне образом попал в другой мир. Этот мир населен неизвестными мне разумными существами и животными.

Уровень развития этого мира соответствует примерно уровню развития нашего Древнего Рима.

Мне, скорее всего, повезло, что я попал в рабство. В противном случае меня уже не было бы в живых. В нашем цивилизованном мире бытует заблуждение о том, что люди древних времен были глупы и необразованны. На самом деле отдельный человек в древности был намного умней и образованней любого нынешнего профессора. Наши знания поверхностны, и мы в подавляющем числе случаев не можем применить их на практике.

Примером этого может служить добывание обыкновенного огня. Пусть любой из нас попробует добыть огонь без спичек и зажигалки, вряд ли это получится. Знания древнего человека обширны и конкретны. Добыча огня для него являлась простейшим делом, как для нас звонок по телефону. Практически любой человек в древности умел добывать себе пищу, изготавливать оружие, обувь и одежду, умел построить себе жилище. Древний человек умело сражался с врагами, лечил раны и болезни. Вся эта информация хранилась у него в голове, а

не была записана в книгах, и он в любой момент мог ею воспользоваться на практике. Древний человек с комфортом жил в условиях, которые для спецназовца ГРУ считаются подвигом. Процентное соотношение умных людей к идиотам в древности было значительно выше нынешнего, потому что идиоты просто не выживали.

Переход в этот мир, по словам Леора, наделил меня какой-то Силой, и я могу мысленно разговаривать с обладателями этой Силы. Сила дала мне и другие необычные возможности, которые я, скорее всего, должен скрывать от окружающих.

Рабство, в которое я попал, какое-то странное. Слишком хорошо нас кормят и не заставляют ничего делать, это неспроста.

Первая моя задача – это просто выжить, а для этого я должен все замечать, внимательно слушать, учиться и главное – помалкивать.

Глава 6

Я ХУМАН

Мои мысли были прерваны голосом Леора, который снова зазвучал у меня в голове. Я ответил, что слышу его, и спросил, чего он от меня хочет. Леор опять спросил меня, кто я и откуда пришел. После небольшого раздумья я рассказал ему, что перед тем, как я попал в караван, в меня ударила молния и я практически ничего не помню о себе. Удар молнии выжег память, и я не знаю, кто я и откуда, помню только свое имя Ингар и беспорядочные отрывки из своего детства. Я взял Леора за руку и, пристально посмотрев в его глаза, мысленно попросил помочь восстановить мою память. Я поклялся сторицей отплатить за его помощь. Леор с некоторым недоверием пообещал помочь мне и спросил, что он может для меня сделать. Я ответил, что ничего особенного: попросил отвечать на мои вопросы, пусть даже они покажутся ему идиотскими.

Наше пребывание в каземате постоянного двора продлилось пять дней. Практически все это время я провел в мысленных беседах с Леором. Из его ответов мне удалось почерпнуть много необходимой информации. Так я узнал, что этот мир называется Геоном. Геон состоит из материка, на котором находимся мы и который зовется Терионом, и трех огромных островов Тарон, Танол и Терреб. Острова откололись от Териона в результате какой-то древней катастрофы, и живущие на них народы приравнивали их по статусу к материкам. На Терионе живут несколько видов разумных существ. Тарги – это существа с бульдожьими мордами, у которых мы находимся в рабстве. Хозяин каравана тарг по имени Гур. Племена таргов живут на севере Териона, ведут полуоседлый образ жизни и не имеют централизованного государства. Типы с синими рожами, прислуживающие таргам в караване, зовутся шаками. Эти существа являются помесью тарга с человеком и сами бесплодны. Шаки послушные и неагрессивные. Леор принадлежит к расе гвельфов, его родина – остров Тарон. Существа с глазами как у ящериц – это гоблы, они происходят с острова Терреб. На острове Танол живут очень похожие на меня белокожие хуманы. Самой многочисленной расой на Геоне являются три различных племени людей. Желтокожие с узкими глазами называют себя чинсу. Государство чинсу расположено на юго-востоке Териона. Люди с коричневой кожей называют себя арбами. Страна арбов называется Арбским халифатом и находится на юге. На юго-западе Териона живут кочевые племена темнокожих афров. Центральную и северную часть Териона занимает Меранская империя. Население империи интернационально. В ней живут практически все народы Геона, но основным населением являются меранцы – народ, смешавший в себе кровь всех человеческих племен, населяющих Терион. Главное, что отличает меранца, – это подданство, а не раса или принадлежность к какому-нибудь племени. Попытки обособления по расовому или племенному признаку сурово наказываются властями империи. Строжайше запрещается селиться обособленными племенными группами, за исключением таргов. Всячески поощряются межплеменные и межрасовые браки. Ребенку от смешанного брака значительно легче продвинуться по иерархической лестнице империи, чем чистокровному представителю одного из племен или расы. Таким способом меранские власти борются с возможной «пятой колонной» внутри империи, которая сто лет назад едва не погубила империю в войне с чинсу. Политический строй в Меранской империи рабовладельческий. Экономика основывается на рабском труде. Официальной религией является культ богини смерти и воинов Сиды. Управляют империей Всеблагий непобедимый император Антор II и совет жрецов храма Сиды. Император ведает светской стороной жизни империи, а жрецы – религиозной. Империя раньше вела мелкие непрерывные войны на своих границах. Такое положение дел привело к тому, что охраной границ стали заниматься бароны, своего рода дворяне, получившие от императора земельные владения вдоль

границы и обязанные за это защищать пределы империи от набегов. Официальным языком в империи является меранский. Меранский язык – это своеобразный эсперанто, и практически любой житель этого мира в той или иной степени может на нем изъясняться. Столицей империи является город Меран, и наш караван направляется именно туда.

Уяснив для себя основы географии и государственного устройства Геона, я перешел к вопросам, касающимся напрямую моей персоны. На вопрос, почему Леор называет меня хуманом, он ответил, что видел хуманов много раз и внешне я очень на них похож. Хуманы редко посещали империю, и встретить их можно в основном в портовых городах, через которые они ведут торговлю. Хуманы считаются лучшими воинами на Геоне. Во внутренней части империи хумана можно встретить, только если он по какой-то причине вынужден был покинуть свой родной остров Танол. Законы империи запрещают хуманам жить группами более четырех человек. В основном хуманы занимаются охраной караванов или нанимаются в телохранители.

Я спросил у Леора, как он попал в караван и зачем нас везут в Меран. Его ответ меня здорово напугал. Оказывается, это не обычный караван, везущий на продажу простых рабов, а караван, перевозящий «жертвенную дюжину» воинов для битвы в день религиозного праздника богини Сиды. Каждые пять лет в этот праздник «жертвенная дюжина» сражается с лучшими воинами из храма Сиды. Победители становятся «хранителями амулета», главной реликвии храма. Двенадцать «жертвенных дюжин» движутся сейчас по направлению к столице, где через две недели начнутся отборочные сражения между ними. Дюжина, прошедшая отбор, сразится с «хранителями амулета», а двенадцать выживших станут воинами храма Сиды. В караван Леор попал по собственной неосмотрительности. В прошлой жизни он служил начальником охраны у высокопоставленного вельможи из свиты короля гвельфов. Вельможа возвращался на остров Тарон после посещения Мерана с посольством. Из-за шторма корабль посольства две недели не мог выйти из порта Терноваль. Леор коротал время в портовых кабаках и однажды проснулся в клетке закованным в рабский ошейник. Истории остальных рабов были весьма похожи на историю Леора. Кого-то из них выкупили у баронов на границе, кого-то захватили силой, кого-то хитростью.

Одновременно с мысленными разговорами я учился у Леора меранскому языку. Леор произносил вслух какое-нибудь слово, а затем мысленно называл его перевод. Язык давался мне на удивление легко. Фонетика меранского языка оказалась несложной, а орфография не изобилует заумными правилами. Постепенно я начал понимать разговоры между рабами и смог выражать вслух свои простейшие мысли. В сарае я старался держаться как можно скромнее и общаться только с Леором. Другие рабы особого интереса ко мне не проявляли, и попыток как-то меня притеснять не было. По всей видимости, сыграла свою положительную роль репутация хуманов и моя дружба с Леором. На третий день заключения в каземате мне принесли новую одежду. Два шака вывели меня во двор, раздели и вымыли жесткими мочалками с применением местного шампуня, от которого у меня долго щипало кожу. Одежда оказалась поношенной, но на удивление добротной и более или менее подходящей по размеру. По всей видимости, хозяин решил улучшить товарный вид раба. Мой новый костюм состоял из штанов и рубахи, сшитых из мягкой кожи. Комплект дополняли своего рода сапоги с голенищами, похожими на краги, застегивающимися на крючки с внешней стороны ноги. Самой примечательной частью костюма являлся панцирь из кожи какой-то рептилии. Панцирь походил на доспехи древних греков и своей формой повторял контуры торса человека. Он состоял из двух частей, отформованных по контурам груди и спины человека, и соединялся застежками на плечах и боках. В комплект к панцирю входили наручи из такой же кожи. Толщина панциря составляла около сантиметра, и он был спрессован из двух слоев кожи, между которыми виднелся край металлической сетки. Я надел свой новый костюм и панцирь. Костюм оказался немного велик, но вообще-то и я довольно сильно отощал за последнее время, и это являлось

скорее достоинством, чем недостатком. Главное, сапоги подошли идеально. Панцирь был на удивление легким и почти не стеснял движений.

– Теперь у меня нет сомнений, что ты хуман, – сказал Леор, разглядывая меня.

Время в каземате текло однообразно. Пленники либо слонялись из угла в угол, либо вели беседы о нашем незавидном положении, сидя на соломе деревянного настила. Я до обеда доставал своими расспросами Леора, а после обеда старался выспаться, чтобы ночью, когда все заснует, заняться экспериментами с Силой. С наступлением ночи я погружался в глубину своего сознания, и мне открывался разноцветный мир Силы. Для меня уже стала привычной эйфория обладания новыми удивительными возможностями. Мой взгляд проникал за стены каземата, и я мог рассматривать энергетические силуэты постояльцев гостиницы. Величественная энергетическая картина окружающего мира понемногу становилась более близкой и понятной. Высоко над головой небо Геона опоясывали мощные силовые потоки, разноцветные полосы сплетались в ажурную сеть, иногда сталкиваясь между собой, и тогда от места столкновения в разные стороны разбегались пучки тонких разноцветных лучей. Лучи устремлялись к земле или уходили в небо, создавая впечатление застывшего фейерверка. Вся эта картина волнообразно пульсировала, волны позволяли определить направление движения энергии в потоках. Далеко за горизонтом из одной точки выходил целый фонтан энергетических лучей, органично вплетаясь в паутину силовых линий над Геоном. В моем подсознании зародилось неясное ощущение какой-то неосознанной тревоги и опасности, связанных с этим фонтаном за горизонтом. Насладившись красотами энергетической картины мира, я переходил к более прозаическим вещам. Мой внутренний взгляд осторожно сканировал пространство вокруг и энергетические силуэты моих попутчиков. Среди силуэтов более яркой аурой вокруг головы выделялся Леор. Необычной оказалась и аура гоблов, ее цвет был не светло-красным, как у людей и таргов, а светло-оранжевым. Мне удавалось подслушивать мысли окружающих, сосредоточив свой внутренний взгляд на голове кого-нибудь, при этом стараясь попасть в ритм пульсации его ауры. Это было похоже на то, как настраивается радиоприемник. Сначала слышен хаотический шум, а затем постепенно раздается голос или появляется зрительный образ. Голос слышно, когда объект наблюдения не спит и в его голове происходит мысленная беседа с самим собой. Зрительные образы появляются в голове спящего объекта наблюдения. Долго подслушивать мысли окружающих я не решался, чтобы не привлечь к себе внимание и сберечь силы для других опытов.

На другой день объектом моего изучения стал тонкий пульсирующий луч энергии оранжевого цвета, проходящий наискосок в углу каземата рядом с местом моего ночлега. Луч проходил на высоте локтя от земли и, выйдя из стены, через полшага скрывался в соседней стене. Я, лежа на боку, подставил свою руку, пропуская луч через ладонь, и попытался синхронизировать пульсацию своей ауры и пульсацию луча. Внезапно моя рука почувствовала толчок, как будто мне в ладонь ударила струя горячей воды. Луч, упершийся в ладонь, исчез в моей руке, и я увидел, что в ней засветились сосуды, наполняемые энергией луча. Свет, протекая по руке, постепенно наполнял энергетические сосуды моего тела. Я видел свою ауру изнутри и одновременно со стороны, это зрелище было не для слабонервных. Мое тело стало прозрачным, и сквозь него стали видны все кровеносные сосуды. Эти сосуды постепенно наполнялись энергией луча и становились все ярче и ярче. Постепенно энергетические сосуды наполнились, и аура моего тела приобрела однородный красноватый оттенок. В середине моей груди образовался бледный шар размером с теннисный мяч, в который устремился поток энергии из луча. Постепенно энергия заполнила пустоту, и шар запульсировал. Энергетический луч неожиданно отбросил мою руку, рассыпавшись разноцветными брызгами. Я понял, что мой аккумулятор полностью заряжен. От осознания своей силы и недоступного мне ранее могущества у меня закружилась голова. Любопытство заставляло испытать новые возможности.

Огромным усилием воли мне удалось подавить желание учудить что-нибудь глобальное и спуститься с небес на землю.

Немного успокоившись, я стал искать такой предмет приложения своих вновь обретенных способностей, чтобы опыты над ним не привлекли внимание окружающих. Объект для опытов нашелся у моего изголовья. Им оказалось металлическое кольцо, закрепленное на стене. Я взялся двумя руками за кольцо и, сосредоточившись, попытался его разогнуть. Мой внутренний взгляд увидел, как к кольцу по рукам струится энергия, и я медленно начал его разгибать. Кольцо, словно пластилиновое, стало разгибаться и, тихо звякнув, разорвалось по кузнечному сварному шву. Мои опыты не разбудили окружающих, и я перешел к дальнейшим экспериментам. Под воздействием моих пальцев металл менял свою форму, подобно разогревшемуся пластилину. Сначала мне удалось сделать прямой прут, затем расплющить его в тонкую полосу. Через час упорных трудов в моих руках оказался обоюдоострый клинок с узким лезвием длиной в полторы ладони и ручкой под оплетку шнуром или кожей. Теперь передо мной встала проблема, как закалить клинок. Нагрев его до нужной температуры с помощью Силы проблемы не представлял. Лучше всего было бы закалить клинок, воткнув его в кусок свиного сала, но где взять сало? Другой древний способ закалки клинков в козлиной моче требовал наличие хотя бы одного козла.

«Стоп, козлы в количестве двенадцати штук в наличии имеются», – сказал я про себя и посмотрел в сторону бадьи, служившей нам отхожим местом.

Процедура закалки клинка сопровождалась шипением и страшной вонью, но мне удалось занять свое спальное место до того, как проснулись все постояльцы каземата. В результате моих ночных экспериментов я значительно пополнил запас матерных слов на меранском наречии и получил в свою собственность приличный кинжал. Правда, лезвие кинжала требовало заточки, но это уже дело техники, просто нужно найти подходящий камень. Спрятав кинжал за голенище сапога, мне пришлось изображать спящего, что в создавшейся атмосфере давалось нелегко.

Глава 7

ПЕРВЫЙ БОЙ

День в каземате начался как обычно. После завтрака рабы разбились на группы по интересам и занялись своими делами. Мы с Леором уединились в углу каземата и стали обсуждать интересующие нас темы. Я довольно успешно продвигался в изучении меранского языка, и большая часть беседы протекала вслух. В основном мои вопросы сводились к способам практического применения Силы. Леор рассказал мне о том, что с помощью Силы можно значительно увеличить мощь удара и выносливость или даже почувствовать врагов на расстоянии. Наиболее сильные маги могут с помощью Силы выходить из своего физического тела, проходить сквозь стены и следить за тем, что происходит вокруг. В древних книгах Леор читал о магах, которые якобы могли растягивать время. На мой вопрос, является ли Леор магом, он с гордостью ответил утвердительно. Расспросы Леора о его магических способностях были прерваны командой выходить и строиться во дворе.

Я стоял последним в очереди на выход, и шум за дверью меня насторожил. Громила, который меня избил в начале путешествия, развлекался, давая пинки рабам, выходившим во двор. Кто-то успевал увернуться, кто-то нет, но полет после такого пинка оставлял неизгладимое впечатление у получивших его. Леор вышел во двор передо мной. Барт с разворота попытался пнуть и его, но гвельф сделал какое-то неуловимое движение, и громила со всего маха грохнулся на спину. Во дворе раздался дружный гогот. Внешне выглядело так, будто Барт промахнулся. Двухметровый мордovorот, взревев от боли и позора, повернулся к двери каземата. Я понял, что мне конец и во двор я выйду инвалидом. Сердце громко бухнуло в груди и провалилось куда-то вниз. Во дворе все стихло в ожидании нового аттракциона. С решимостью затравленной крысы я сделал шаг вперед. Барт с ухмылкой во всю свою поганую рожу занес ногу для удара. Все происходило как будто не со мной. Воздух вокруг меня стал тягучим и похожим на кисель, окружающие звуки растянулись и зазвучали басом. Движения Барта замедлились и начали походить на пантомиму. Легко увернувшись от пинка, я сделал еще один шаг и саданул ладонью правой руки в солнечное сплетение громилы. Мой удар, словно тряпичную куклу, согнул Барта пополам. Ноги этого уродца оторвались от земли, и он полетел по направлению удара.

Время вокруг меня снова пошло с обычной скоростью. Полет Барта был впечатляющим. Пролетев несколько шагов, он врезался в стену сарая и мешком сполз на землю. От сотрясения с крыши сарая на него посыпалась черепица. Замешательство охраны длилось несколько секунд. Придя в себя, охранники, обнажив мечи, опасно двинулись на меня. Я встал в оборонительную стойку, готовясь дорого продать свою жизнь. Громкий приказ охране остановиться разрядил обстановку. От ворот постоялого двора во всю свою прыть мчался Гур. Разогнав пинками охрану, он направился ко мне. Меч в его правой руке привел меня в чувство.

– На колени! – скомандовал Гур.

Я безропотно опустился на колени.

– Свяжите ему руки, – приказал он охране.

Меня быстро спеленали, связав в локтях руки за спиной. После этого Гур направился к уроду, лежащему под кучей черепицы. По дороге он взял стоящее возле колодца ведро с водой и, разбросав ногой черепицу, вылил воду на голову Барта. Замычав что-то нечленораздельное, Барт, шатаясь, встал на четвереньки. Тишину, повисшую над двором, разорвал всеобщий хохот. Уж больно жалким был вид у мокрого громилы. Попытку Барта снова броситься на меня прервал могучий пинок Гура. Пропахав пару шагов мордой по земле, Барт окончательно

притих. Гур взял Барта за волосы и, приставив меч к его горлу, тихо что-то сказал. Глаза у того округлились от ужаса, и он, отпущенный Гуром, снова ударился мордой о землю.

Охрана выстроила рабов в одну шеренгу, а меня оставили стоять на коленях связанным. От ворот постоянного двора к нам подошел человек в сопровождении отряда из десяти воинов. Отряд выглядел весьма живописно, словно он только что освободился от съемок китайского фильма о Шаолине. Отрядом командовал высокий жилистый мужчина с загорелым узкоглазым лицом, черные волосы на его голове были затянуты в конский хвост. Его дорогой коричневый халат с разрезами по бокам, украшенный серебряным шитьем, выдавал в нем начальника. На поясе воина висел прямой меч в богато отделанных ножнах. Воины отряда были одеты в халаты серого цвета без отделки, над халатами сверкали лысыми бритые головы. Вооружение воинов состояло из копий, наконечники которых напоминали короткие изогнутые мечи. Гур подошел к командиру отряда и почтительно поклонился ему.

– Уважаемый Лотел, я привел двенадцать воинов, как оговорено в контракте, – заговорил тарг.

– Я вижу, Гур, – ответил Лотел, осматривая рабов оценивающим взглядом. – Сейчас мы проведем испытание, и если все рабы окажутся достойными воинами, то ты получишь оговоренную сумму.

– Не сомневайтесь, уважаемый Лотел, я сам отбирал этих воинов, и все они достойны сражаться во славу богини Сиды.

– Ну что же, – проговорил Лотел, – сейчас проверим.

Двое воинов из отряда Лотела положили на землю связку разнообразного оружия, принесенного с собой. Лотел ткнул пальцем в грудь рабу, стоящему первым в шеренге справа, и сказал:

– Ты будешь первым. Дайте ему меч.

Раб взял короткий меч из рук охранника и вышел из шеренги на середину двора возле колодца. Это был рослый арб с коричневой кожей и невозмутимым видом.

– Нападай на меня, – приказал Лотел и вытащил из ножен свой меч. – Если окажешься плохим воином, то я тебя убью.

Арб принял боевую стойку, немного согнув ноги в коленях и выставив ладонью вперед левую руку. Меч в его правой руке совершал медленные вращательные движения. Арб буквально поплыл по направлению к Лотелу, перетекая с ноги на ногу, при этом ускоряя движения меча. Он управлял мечом только кистью руки. Чем ближе он подходил к Лотелу, тем быстрее вращался в его руке меч. Неожиданно движение меча арба из кругового перешло в движение восьмеркой, и раб прыжком сократил дистанцию до Лотела. Звон мечей, накрывший двор, больше походил на музыкальную мелодию, чем на беспорядочные удары металла о металл. Два настоящих мастера демонстрировали свое искусство. Бой закончился так же быстро, как и начался. Арб прыжком разорвал дистанцию и снова принял оборонительную стойку. Из пореза по его щеке текла струйка крови, куртка на груди оказалась разрезанной, и через дыру виднелась неглубокая рана напротив сердца. У Лотела потери заканчивались только одним разрезом на халате.

– Следующий, – громко скомандовал Лотел. – Сам выбери себе оружие.

Следующим стал гобл с глазами как у ящерицы. Он выбрал копье с наконечником, похожим на меч. Двор снова заполнил лязг металла и свист вращающегося, словно пропеллер вертолета, копья. С гоблом Лотел провозился несколько дольше, но результат оказался тем же: порез на лице и неглубокая рана на груди. Так же заканчивались и все остальные поединки, пока очередь не дошла до Леора. Гвельф выбрал себе прямой меч, похожий на оружие Лотела. Мне показалось, что он хочет вести бой равным с противником оружием. Все бои, проведенные до этого, были каждый по-своему красив, и сражались в них достойные воины, но во всех поединках победил Лотел. Бой Леора и Лотела превзошел все ранее виданное мной. Каска-

деры в американских боевиках такого не выделяют. Сам бой длился минуты три, не больше. Смертельный танец, исполняемый бойцами, пугал и одновременно завораживал. Они то сходились в фейерверке молниеносных ударов, наносимых с разных направлений, то, разорвав дистанцию, медленно кружили, выискивая бреши в обороне противника. Бой велся не только оружием, но и всеми частями тела, которыми можно было нанести урон противнику. Разорвав в очередной раз дистанцию, Лотел остановил бой и поклонился Леору, как равному себе бойцу. На лице Леора была видна царапина, такая же была и на лице Лотела, но на груди у обоих бойцов ран не было, как не было и победителя в этом бою. Все наблюдавшие за поединком отдали должное искусству воинов, разразившись громкими криками и ударами оружия о щиты. Я радовался успеху Леора, которого считал своим другом. Человеку в экстремальной ситуации свойственно искать для себя душевную опору даже там, где ее не может быть в принципе. Еще только несколько мгновений назад я радовался за Леора, как ребенок, и вот уже по моей спине течет холодный пот и ужас заползает в душу. Следующим проверяемым должен стать я.

– Развяжите хумана, – похоронным маршем прозвучали слова Гура. – Уважаемый Лотел, какое оружие дать хуману?

– Не нужно, Гур, я видел его в деле, – ответил воин. – Мне хватило гвельфа, а этот точно меня прикончит. Твой громила до сих пор не может прийти в себя после его удара голой ладонью в грудь, даже через панцирь. Я в жизни не видел никого, кто бы так быстро двигался. Расскажи, старый пройдоха, как тебе удалось заполучить его?

– Все расскажу, уважаемый Лотел, но только после того, как мы уладим денежные вопросы.

– Ну и хитер же ты, Гур, – усмехнулся Лотел. – Смотри, самого себя не перехитри.

– Да уж, уважаемый Лотел, я почти себя перехитрил, взяв с собой этого недобитого придурка, – кивнул Гур в сторону подсыхающего Барта.

Лотел достал из-за пояса прямоугольную металлическую пластинку и передал ее Гуру.

– Это обязательство храма на три тысячи серебряных империалов, – сказал Лотел. – Можешь получить деньги в любом храме Сиды целиком или частями.

– Спасибо, уважаемый Лотел, – поблагодарил его Гур, – рабы твои.

Воины Лотела, до этого стоявшие в стороне, окружили шеренгу рабов и сковали нас цепями по двое. Я оказался скованным вместе с Леором.

– Теперь, когда все денежные вопросы улажены, рассказывай, как ты заполучил хумана.

– Уважаемый Лотел, я нашел его в степи две недели тому назад после сухой грозы. В него, вероятно, попала молния. Хуман был полуживым, обгорел, как головешка, и до сих пор не совсем в себе.

– А выглядит здоровым и движется как та же молния, – удивился Лотел.

– На хумане все заживает, как на собаке. Станный народ, – ответил Гур.

Глава 8

БУРЯ

Тихое журчание воды клонило в сон. Прохладный ветерок с гор не давал полуденной жаре вывести меня из состояния блаженства, которое разлилось по всему моему телу. После всего того ужаса, что я пережил за последнее время, трое суток плавания по реке на корабле Лотела казались мне настоящим раем. Несмотря на ошейник раба, трущий мою шею, я буквально наслаждался поездкой, сидя под тентом на палубе. Корабль, на котором сплавлялась наша компания, представлял собой катамаран из двух больших плоскодонных лодок, скрепленных между собой бревнами из дерева, похожего на бамбук. Настил палубы был сплетен из тонких стволов того же бамбука. Почти половину палубы накрывал тент из парусины, под которым в самых живописных позах расположились рабы и наша охрана. На корме корабля находилась надстройка, по-видимому являвшаяся капитанской каютой и камбузом. Команда корабля состояла человек из двадцати. Публика была разношерстная, по всей видимости включавшая в себя представителей практически всех народов, населявших Меранскую империю.

Крик матроса, стоящего на смотровой площадке наверху единственной мачты корабля, вывел меня из блаженной полудремы.

– Темер! – крикнул матрос, указывая рукой вперед.

Народ на палубе засуетился, кто-то даже встал и стал смотреть в направлении, указанном матросом. Я повернулся к сидящему рядом Леору и спросил, что такое Темер.

– Темерианское озеро, – ответил гвельф.

Через час-полтора корабль миновал поворот реки, и перед нами во всей красе предстало Темерианское озеро. Вперед и вправо от впадения реки гладь озера уходила за горизонт. Левый берег озера окаймлял вековой лес, плавно переходящий в предгорья невысоких гор. Впереди на горизонте виднелся большой остров.

Команда корабля села на весла и под ритм, задаваемый ударами барабана, стала грести в направлении небольшой крепости, показавшейся в устье реки на правом берегу. Крепость стояла на невысокой белой скале, у подножия которой раскинулся не то порт, не то поселок с несколькими причалами на бревенчатых сваях, забитых в дно. Наш корабль подошел к одному из причалов. Лотел и двое его солдат сошли на берег и ушли в сторону крепости. Через некоторое время капитан и шестеро его матросов тоже сошли на берег и отправились в поселок.

– Что за место? – спросил я Леора.

– Не знаю, – ответил он, – спроси у матроса.

Я обратился к матросу с тем же вопросом. Он ответил, что это Старая крепость и мы остановились здесь, чтобы запастись провизией, так как путь через озеро займет три-четыре дня.

День клонился к вечеру, но нас еще не кормили, и у меня довольно сильно засосало под ложечкой. Голод донимал не только меня, но и матросов. Недовольные возгласы слышались от всей оставшейся команды корабля и воинов Лотела. Наконец на причале появился капитан в сопровождении процессии матросов, несущих провизию. Нас покормили, и капитан приказал готовиться к отплытию. Но отплыть в этот день нам не пришлось. Капитан на чем свет стоит клял Лотела, так и не вернувшегося на корабль. Его стенания о том, что стоит полнолуние и светло как днем, а также недовольство тучками на горизонте, ни к чему не привели, Лотел явился только утром.

Задержка с отплытием корабля в дальнейшем очень дорого обошлась всем отплывшим на нем в то злополучное утро.

Погода была великолепной. Вода в озере была гладкой, как стекло. Звезды, отраженные в воде, были совершенно неотличимы от реальных светил на небе. Корабль как бы висел в воздухе, окруженный звездами со всех сторон. Пьянящий запах леса и цветов кружил голову. Такой красоты за всю мою жизнь я не видел даже на картинах или во сне.

В голове прозвучал голос Леора:

«Ингар, ты не спишь?»

«Нет, – ответил я. – Разве можно заснуть в такую ночь и не увидеть этой красоты?»

«Да, красиво. Как у меня на родине».

«Ты не думал о том, как удрать отсюда?» – задал я вопрос гвельфу.

«Думал, но как удерешь?»

«Леор, ты умеешь плавать?»

«Я плаваю как рыба, а что толку. Проклятый ошейник отрежет мне голову как бритвой уже на следующий день».

«Я попробую снять ошейники».

«И ошейник отрежет тебе голову, как только ты начнешь его снимать. Ты видел амулет на шее у Лотела?»

«Видел».

«Это ключ к ошейникам. Даже если мы украдем его или убьем Лотела, ошейник отрежет нам голову со следующим восходом солнца. Снять ошейники может только Лотел, это магия».

«Теперь ясно, почему нас так бездарно охраняют».

«Ладно, давай спать, и не забывай себе голову ерундой», – прекратил разговор Леор.

После рассказа гвельфа сон ко мне и подавно не шел. Вся красота окружающей ночи как-то сразу померкла, и в душе осталась только грусть и безысходность.

* * *

Лотел вернулся на корабль после нашего завтрака, и мы сразу отчалили. Дул легкий бриз, и корабль довольно быстро шел под большим квадратным парусом в сторону видневшегося на горизонте острова. Экипаж занимался повседневными делами, и только капитан с хмурым видом прохаживался вдоль борта и время от времени пристально вглядывался в тучки на горизонте. Мы с Леором сидели в тени паруса и мысленно беседовали друг с другом.

«Леор, почему эти сволочи не снимут цепь между нашими ошейниками? У меня вся шея болит и кровоточит. Знают ведь, что мы не убежим», – спросил я.

«Порядок такой. Рабы должны быть скованы попарно или все на одной цепи», – ответил он.

«Леор, ты иностранец здесь в империи. У тебя есть какой-либо документ, подтверждающий твою личность?»

«Да, есть, то есть был. Всем иностранцам, прибывающим в империю, выдают медальоны, магически привязанные к владельцу».

«А граждане империи тоже имеют медальоны?»

«Нет, у граждан есть грамоты, выписанные администрацией города или старостой деревни. Они тоже с магическими печатями. На медальоны у простых граждан империи денег не хватит, да и достаточно сильных магов не так много, а за медальоны платят иностранцы и потом сдают их на границе. Для тебя, Ингар, грамота не прокатит», – рассмеялся Леор.

«Почему?»

«У тебя на лбу написано, что ты хуман. Тебе нужен медальон».

«А где его взять?»

«Где-где? На границе в таможне, правда, нужен документ твоего государства, подтверждающий личность, и три серебряных империала за три месяца на право нахождения в империи. В крупных городах можно продлевать срок у магов в администрациях».

«А если взять чужой медальон?» – спросил я.

«Не выйдет. Тебя так навернет Силой, что месяц пластом пролежишь».

«А как твой медальон забрали?»

«Так они его на груди не носят, он, наверное, лежит где-то у Лотела. А у тебя он должен постоянно на груди висеть, и ты обязан предъявлять его по первому требованию».

«Как выглядит медальон?»

«Круглая бляха на цепи с гербом и зеленым камнем в центре», – ответил Леор.

Я доставал своими расспросами Леора почти до обеда. Гвельфу это, наконец, надоело, и он послал меня куда подальше. Наш корабль за это время достиг большого острова, раньше видневшегося на горизонте, и мы плыли теперь мимо величественных развалин древней крепости. Развалины выглядели как после атомной бомбежки. Древние стены казались не просто разрушенными – огромные строительные блоки носили следы воздействия высокой температуры, расплавившей даже камень.

– Это что за место? – спросил я у матроса.

– Это остров Гереб. Проклятое место, – ответил тот. – Стоит здесь побыть на берегу хотя бы неделю, и весь покроешься язвами и издохнешь.

– Кто его так разрушил?

– А кто его знает. Это было очень давно. Кто говорит, боги разгневались, другие говорят, война у древних магов была.

Прозвучал гонг на обед, и мы с Леором подтянулись к котлу с кашей. После обеда мы с Леором улеглись снова в тени паруса, и я сделал вид, что заснул. Уйдя в глубину своего сознания, я внутренним взглядом осмотрелся вокруг. В развалинах на берегу как будто догорали уголья огромного, почти погасшего костра, от которого во все стороны клубами расходился разноцветный дым. Здорово здесь когда-то шарахнуло. На горизонте были видны сильные сполохи энергии, там, по-видимому, бушевала очень сильная гроза. Грозовой фронт, похоже, двигался в нашу сторону. Незаметно для себя я заснул по-настоящему.

– Подъем, ужин проспидь! – крикнул мне в ухо Леор.

Я вскочил и затряс головой.

– Чего орешь? Нельзя потише? – разозлился я.

Мы встали в очередь к котлу, и я осмотрелся по сторонам. Погода явно портилась. Усилившийся ветер гнал довольно высокую волну, и корабль сильно качало. Наперерез нашему курсу двигалась стена черных туч с проблесками молний. Впереди начинался дождь. Мы с Леором быстро поели и, подобрав с палубы кусок ткани, похожий на брезент, спрятались от ветра за надстройкой на корме. Через пару часов корабль настигла гроза. Большой парус спустили. Полил сильный дождь, и мы с Леором накрылись куском брезента. Подгоняемые капитаном, матросы сутились на палубе, что-то подтягивали, что-то привязывали. Воины Лотела и рабы попрятались кто куда. Кто-то спрятался в надстройку, кто-то в трюм. Я предложил Леору тоже спрятаться в трюм.

– Не нравится мне все это. Если корабль пойдет ко дну, то из трюма хрен выскочишь, – возразил гвельф.

Так мы и сидели мокрые, стуча зубами на пронизывающем ветру, несколько часов. Наконец в сполохах молний я заметил слева по ходу корабля отвесные скалы и, толкнув в бок Леора, сказал, что нам хана. Капитан тоже увидел эти скалы и усадил матросов на весла. Матросы стали дружно грести в сторону скал, и корабль через час упорного труда вошел во внезапно открывшийся неширокий пролив между ними. Высоченная скала справа от корабля укрыла

нас от ветра, и теперь только проливной дождь портил нам настроение. Пробегавший мимо матрос радостно проорал, перекрывая раскаты грома:

– Мы спасены, это Чертова глотка!

Наш корабль медленно входил в небольшую круглую бухту, окруженную высокими скалами. Одна из молний с ужасным грохотом ударила в верхушку скалы, и на нас посыпались камни. Огромный булыжник размером с грузовик рухнул на палубу. Корабль треснул пополам, и нас с Леором, как из катапульты, выбросило за борт. Меня спасло то, что я держал цепь, идущую от ошейника, в руке. Мы пролетели по воздуху метров двадцать и рухнули в воду. Леор камнем пошел ко дну и потянул меня за собой. Я барахтался изо всех сил, выплывая на поверхность. За цепь мне удалось вытащить наверх и Леора. Его шея была неестественно вывернута, и гвельф не подавал признаков жизни. Я с испугу рванул в сторону от него, и тело Леора снова ушло под воду, потянув меня за собой. Мне только на секунду удалось высунуть голову над водой, чтобы вдохнуть воздуха, и я снова начал тонуть. Ужас буквально парализовал мое тело, я уходил все глубже и глубже под воду. Руки сами ухватились за ошейник, тянувший меня на дно, и я изо всех сил рванул его в стороны. Тело изогнулось, как от удара током, левую ладонь обожгло, и ошейник распался на две части. Я лихорадочно стал грести и на последнем издыхании вынырнул на поверхность. В легкие наконец пошел воздух, и я, кашляя, поплыл к берегу. Мне с трудом удалось выползти на четвереньках на сушу. В сполохах молний я заметил нишу в каменной стене, окружающей бухту. Как мне удалось заползти в эту нишу, не помню. С неба лились потоки воды, непрерывно грохотал гром. Силы окончательно оставили меня, и я потерял сознание.

Глава 9

РОБИНЗОН

Меня привели в сознание яркие лучи утреннего солнца. Гроза закончилась, и только мокрые скалы вокруг напоминали о кошмаре, творившемся совсем недавно. Все тело ломило, как после драки. Левую ладонь пересекал рубец от ожога, словно ее прижгли раскаленным прутом. Мне с трудом удалось подняться и сесть на камень. Сняв сапоги, я вылил из них воду. Кинжал, спрятанный за голенищем, пропал. Кожа от холода покрылась мурашками.

«Нужно раздеться и выжать одежду, а то совсем окоченею», – подумал я.

Рубаха и штаны стали настолько грязными, что требовали стирки, панцирь находился не в лучшем состоянии. Взяв одежду в охапку, я направился к воде. Оглядевшись, я увидел, что нахожусь в небольшой бухте, окруженной отвесными скалами. Вход в нее практически завалил камнепад. По поверхности плавали обломки корабля и разный мусор. Вода после грозы оказалась настолько мутной, что на дне ничего видно не было. Прополоскав одежду и почистив панцирь, я разложил все на солнце для просушки. Мне пришлось зайти по пояс в воду, чтобы выловить деревянные останки катамарана в надежде разжечь костер. Я хотел уже вылезать на берег, когда мое внимание привлек еще один большой обломок, оказавшийся каноэ с нашего корабля. Лодку сильно помяло, но кожаная обшивка осталась целая, а каркас можно было починить.

Солнце начало сильно припекать, и моя одежда подсохла. Я оделся и приступил к обследованию местности. Ничего съестного я не обнаружил. Но на глаза попался первый покойник, прибитый к берегу. Он всплыл в самом дальнем конце пляжа, на поверхности виднелась только часть спины. Это оказалось тело матроса с корабля. Подавив в себе страх и брезгливость, я раздел и обыскал труп. Самым ценным приобретением стал нож, висевший у него на поясе. Труп пришлось столкнуть в воду, чтобы он не начал разлагаться на жаре. Теперь у меня появился нож и надежда отремонтировать лодку. До самого вечера я вырезал из выловленных обломков детали на замену сломанных и прикручивал их на место с помощью веревки из распущенного найденного каната. Среди обломков было и весло от каноэ.

Солнце скрылось за скалами, и сразу похолодало. Мне до зарезу нужен был костер, но как разжечь огонь без спичек, я не знал. Добычу огня трением деревяшек я отmel сразу. То, что это книжная глупость, знают все, кто пробовал. Вспомнил, что на постоялом дворе мне удалось закалить кинжал при помощи Силы, и я решил нагреть гвоздь, выданный из обломков. Гвоздь раскалился докрасна, а потом от него загорелись мелкие сухие щепки. Высохшие за день добытые из воды обломки корабля разгорелись в прекрасный костер, который согрел измученное тело, и наградой за труды стало забытие без сновидений.

Утром на отремонтированном каноэ я поплыл к месту кораблекрушения. Вода за ночь очистилась, и дно хорошо просматривалось. Останки корабля лежали на небольшой глубине, метров пять. Правда, в более или менее целом виде осталась только часть кормы с каютой капитана, лежащая на дне кверху днищем. Остальное оказалось разбито в щепки и засыпано камнями. На дне возле кормы мне удалось разглядеть несколько больших кувшинов, похожих на амфоры, и я стал нырять за ними. С помощью веревки мне удалось затащить амфоры в лодку. Горлышки кувшинов оказались запечатанными какой-то смолой. На берегу я вскрыл амфоры ножом и нашел в них мясо и крупу. Через час в одном из кувшинов варилась каша с мясом, и моя голодовка закончилась.

«А жизнь-то налаживается!» – вспомнился анекдот про бомжа.

К дальнейшим поискам удалось приступить только на следующее утро. Обильная еда отняла остатки сил, и меня разморило, как котика, на солнышке.

Утренний осмотр бухты показал, что всплыли еще четыре покойника: один матрос и три воина Лотела. Снова пришлось заняться мародерством, но улов оказался невелик, всего несколько монет в кошельке матроса и один нож. Возле корабля больше ничего интересного не нашлось, и я начал нырять в каюту капитана. Дверь заклинило, и мне потребовался рычаг, чтобы ее открыть. В каюте все оказалось перевернуто вверх дном, а под потолком плавало три трупа. Мне пришлось нырять несколько раз, чтобы вытолкнуть их из каюты. На берегу я с трудом опознал Лотела и капитана, третьим оказался еще один матрос из экипажа. Снова занялся мародерством. На душе стало гадко, но здравый смысл подсказывал, что эти вещи нужнее живому, нежели покойнику. Следующий день был полностью потрачен на очистку каюты капитана. До полудня мне удалось вытащить рундук с одеждой и небольшой сундук, обитый металлом. После обеда моей добычей стали шкатулка, два копья, меч и сабля. Мокрую одежду из рундука я развесил на камнях. Устал как собака, и поэтому решил со вторым сундуком разбираться на следующий день. После ужина, устроившись у костра, я стал думать о том, как я дошел до жизни такой.

«Называется, сходил за хлебушком, то есть на рыбалку», – всплыла в голове старая приписка.

После кораблекрушения мой организм продержался эти два дня только на адреналине, и сейчас пошел откат. Все тело ломило, ожог на руке распух и загноился. Меня знобило, голова стала горячей, как утюг.

«Так можно и загнуться, – подумал я. – Нужно попытаться подлечиться Силой».

Закрыв глаза, я начал погружаться внутрь сознания, пока не увидел свою ауру. Она выглядела бледно-желтой и неравномерной, энергия по сосудам почти не двигалась. Шар у солнечного сплетения, раньше наполненный Силой, почти опустел и стал едва заметен. Энергетические сосуды на левой ладони оказались обрезаны словно ножом. Аура вокруг ладони почернела и вызывала серьезные опасения. Срочно требовалась подзарядка. Я тщательно ощупал бухту внутренним взглядом, пытаясь найти лучик потока Силы, но все без толку. Потоки энергии проходили высоко над землей и были недоступны.

«Постарайся сосредоточиться и осмотреться еще раз», – подсказывал внутренний голос.

Я еще раз просканировал все закоулки бухты и заметил слабый оранжевый лучик, выбившийся из завала на входе. Пришлось садиться в лодку и плыть в темноте через всю бухту. Выбравшись на каменный завал, я подошел к лучику и подставил под него правую руку. Теперь нужно войти в резонанс и подстроиться под пульсацию луча. Почувствовав слабый толчок в ладонь, я увидел, как по сосудам потекла энергия. Аура становилась все ярче, и, наконец, энергией наполнился шарик в районе солнечного сплетения. Я поменял руку и попытался поймать энергию луча раненой ладонью. Мне долго не удавалось подстроиться под его пульсацию, но через несколько минут ладонь сначала слабо засветилась, а потом ее начало покалывать. Ладонь наполнилась теплом, и на ней проступили сосуды такие же, как и на правой руке.

«Хватит заниматься самолечением», – решил я и поплыл к берегу.

Возле потухшего костра у меня разыгрался зверский аппетит, и остатки холодной каши мгновенно исчезли в желудке. Глаза начали слипаться.

Проспал я почти до полудня. Солнце уже стояло высоко, и его лучи хорошо прогрели воздух. И снова жестокий голод заставил забыть обо всех делах, кроме приготовления еды. Мне на удивление быстро удалось разжечь костер. Гвоздь, с помощью которого я зажигал огонь, уже через три секунды начал плавиться, и щепки вспыхнули почти мгновенно. Обследовав себя внутренним взглядом, я убедился в отличном состоянии своего тела и ауры. Нигде не было заметно черноты, и потоки энергии плавно текли в сосудах, шарик в солнечном сплетении пульсировал в ритме сердечных сокращений. На месте ожога на левой руке остался только шрам, затянувшийся молодой кожей. Мое настроение соответствовало самочувствию. Впервые

с момента перехода в этот мир я смотрел на жизнь с оптимизмом. Если анализировать ситуацию здраво, то я жив, здоров и у меня появился шанс выжить в этом мире и как-то устроиться.

«Для начала нужно разобраться с моими трофеями, а потом придумаю, что делать дальше», – пришло в голову простое решение.

После обеда я принялся за обследование сундука. Вчера мне удалось найти у капитана два перстня с камнями и амулет, своим контуром подходивший к скважине сундука и похожий на ключ. Хорошая штука, эта Сила: просканировав с ее помощью сундук, я получил «рентгеновскую» картинку его внутреннего устройства. Мне очень не понравились два сосуда в углах сундука. Аура у них была темно-зеленой, и сосуды подсознательно вызвали тревогу, поэтому я не стал спешить и решил действовать с крайней осторожностью. Для начала я оттащил сундук за камни в углу бухты. Потом жестко прикрепил ключ к древку найденного копья и, спрятавшись за камни, вставил его в замок и попытался провернуть. Промучившись некоторое время, мне удалось это сделать. Сначала раздался мелодичный звон, а потом из сундука долбанула нехилая молния, и в руках у меня остался полуметровый огрызок копья. Я во все лопатки драпанул подальше от сундука. Ноги зачастую бывают значительно умнее головы и спасают от многих бед, в чем я тут же убедился. Из сундука раздалось шипение, и его окутал зеленый дым. Мне пришлось просидеть два часа на самом высоком камне в дальнем углу бухты, пока дым не рассеялся. После этого я багром спихнул сундук в воду бухты: пусть отмокает, вдруг он выделил яд. Мои подозрения оправдались, через некоторое время вокруг сундука начали всплыватьдохлые рыбы. Я решил оставить сундук в воде и занялся шкатулкой.

Замка на шкатулке не оказалось, только защелка. Сканирование ничего опасного внутри не выявило, однако открыл я ее палкой из-за камня. В шкатулке лежали золотые и серебряные монеты и две металлические пластины с символами, похожие на пластину, с помощью которой Лотел расплатился с Гуром за рабов. Отдельно в ячейке лежало шесть медальонов, похожих по описанию Леора на медальоны для иностранцев. Здесь также находилось два намоченных свитка с непонятными символами. Закончив со шкатулкой, я снова отправился к сундуку.

Для начала я кинул горсть каши на крышку сундука и дождался, когда на нее набросятся рыбы. Рыбки больше не дохли, значит, можно вытаскивать сундук. Осмотр сундука привел меня к неутешительным выводам. Ключ намертво сплавился с замком, и открыть сундук было невозможно. Но, как говорится, «голь на выдумки хитра», и я решил срезать петли на крышке сундука с помощью Силы. Удалось мне это довольно легко. Лучик Силы, как автоген, срезал петли, и оставалось только залить водой загоревшуюся под петлями крышку. Перестраховавшись, я сдвинул крышку сундука палкой. В сундуке лежало много разных вещей, как ни странно сухих, вода в сундук не попала. Здесь были мешочки с деньгами и несколько амулетов. В небольшой шкатулке я нашел семь крупных разноцветных камней. Больше всего меня порадовала карта Геона, нарисованная на куске кожи размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров. Карта оказалась довольно подробной, с обозначением городов и дорог. На дне сундука лежала завернутая в кусок ткани красивая кольчуга. Она оказалась удивительно легкой, и от нее буквально исходила Сила. Выпотрошив сундук, я отнес все ценные вещи в нишу скалы.

После ужина быстро стемнело и пора было ложиться спать, но заснуть не удавалось. Необходимо было решать, что делать дальше.

«Разложим все по полочкам. В городах мне делать нечего, быстро поймут, что со мной что-то не так. Значит, нужно двигать на периферию, к границе. Там пристроиться под видом хумана к какому-нибудь мелкому барону. Лишнее барахло стоит зарыть где-то недалеко от бухты. Чертова глотка – место приметное, не забудешь. Вообще-то пора сматываться, а то кто-нибудь сюда заглянет, и мне мало не покажется. Первое, что необходимо сделать, – это разобраться с амулетами для иностранцев. Не должны они быть уж очень сложными, слишком массовая вещь. Кольчугу и меч Лотела оставлю до лучших времен, когда разберусь с Силой основательно». Незаметно мои рассуждения перешли в сон.

Глава 10

ПРАКТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Меня разбудили первые лучи солнца. Два часа заняли завтрак и погрузка вещей. Хомячизм – болезнь тяжелая, и мне пришлось со слезами на глазах выбрасывать из перегруженной лодки на первый взгляд самые необходимые вещи. Наконец процесс погрузки закончился, и лодка отчалила от берега. На выходе из бухты я последний раз осмотрел место гибели нашего корабля и мысленно попросил прощения у погибших за мародерство.

Выйдя из бухты в озеро, я двинулся вдоль левого берега. Лодка резво поплыла, подгоняемая сильными гребками моего весла. Скалистый берег обрывался прямо в воду, и пристать где-то поблизости оказалось сложно.

К полудню я уже довольно сильно напахался, и потребность в отдыхе стала первоочередной. На мое счастье, недалеко показалось устье ручья, впадающего в озеро. После двух безуспешных попыток мне удалось войти в узкий проход между скал. Через полсотни метров лодка попала в совсем маленькую бухту размером не больше баскетбольной площадки. В воду с высоты третьего этажа с шумом обрушивался водопад. Левую сторону бухты окаймлял неширокий песчаный пляж. Я причалил к берегу и внимательно осмотрелся. Скалы спускались к пляжу невысокими уступами, и по ним можно было забраться наверх. Подъем на скалу закончился на небольшой террасе, заросшей кустарником и заваленной булыжниками. В скальной стене, идущей вокруг террасы, мне удалось обнаружить маленькую пещерку. Лучшего места для тайника и пожелать нельзя.

«В тайнике нужно оставить лишнюю одежду, дорогую посуду, свитки, кольца и амулеты, снятые с утопленников, в общем, все то, что могло меня связать с кораблем», – решил я.

Перегрузка вещей в тайник и его маскировка заняли три часа. Задерживаться в бухте возле грохочущего водопада мне не хотелось. Отобедав холодной кашей прямо в лодке, я решил плыть дальше в надежде найти более удобное место для ночевки.

Скалы вдоль берега стояли сплошной стеной, и причалить было некуда. Руки начали наливать свинцом от усталости, и мне стало не по себе. В лодку медленно просачивалась вода, и перспектива заночевать в тонущей лоханке приближалась вместе с темнотой.

«Стоп, хватит паниковать, у меня есть Сила, нужно попытаться воспользоваться ею», – появилась в голове спасительная мысль.

Отложив весло, я погрузился в глубину своего сознания. Энергии Силы у меня навалом, а вот физическое состояние оказалось паршивым. Я постарался направить энергию Силы в истощенные мышцы, массируя и подогревая их. Через некоторое время мое самочувствие значительно улучшилось, и руки снова смогли грести.

«Теперь нужно попытаться грести с помощью Силы, может, что и выйдет», – пришло следующее решение.

Мой эксперимент продолжился. Попытка слить воедино в одном действии свою физическую и энергетическую сущность постепенно начала давать результат. Оказалось все довольно просто, нужно только синхронизировать потоки энергии с ритмом сокращения мышц и маленькими порциями подпитывать их энергией. Тело практически перестало ощущать нагрузку от гребли, и лодка значительно увеличила скорость. Я греб с закрытыми глазами, осматривая пространство вокруг внутренним взглядом. Эйфория нового состояния все сильнее захватывала меня. Лодка плыла вперед, как моторный катер, поднимая перед собой бурю воды. Неожиданно весло с треском сломалось пополам.

«Доигрался», – в ужасе очнулся я.

В результате своей глупости мне пришлось всю ночь вычерпывать из лодки воду котелком. К утру меня отнесло ближе к берегу. Изрядно попотев, мне удалось к этому берегу пристать. Грести обломком весла, стоя на карачках на носу лодки, удовольствие ниже среднего.

«Дурака работа любит!» – проклинал внутренний голос мою неосмотрительность.

За ночь я сильно поиздержался как в физическом, так и в энергетическом плане, поэтому, быстро подогрев кашу на костре, я позавтракал и отправился искать место для энергетической подзарядки. Опыт поисков уже имелся, поэтому мне быстро удалось найти источник энергии. Луч Силы выходил из земли возле большого валуна.

Половину дня, матерясь про себя, я выстругивал новое весло из ствола небольшого дерева. Место, к которому пристала лодка, оказалось на удивление удачным. Это был небольшой остров, отделенный от берега довольно широким проливом. Я решил задержаться на нем, чтобы разобраться с магическими предметами. Набив живот осточертевшей уже кашей, мне с трудом удалось заснуть. Снилось мне какая-то ахиня, совсем не связанная с реальностью.

Разбудило меня чувство тревоги. Я вскочил на ноги, закрутил головой во все стороны и тут же бросился на землю. По проливу между островом и берегом озера плыл корабль. Он шел на веслах, и с него слышались удары барабана, задававшего ритм гребцам. На мое счастье, корабль плыл не с той стороны острова, где я оставил лодку, которую поленился затащить в кусты, поэтому ее не могли видеть.

«Моя лень в гроб меня загонит», – проклинал я собственную безалаберность.

Корабль все дальше и дальше уходил от острова, и через час скрылся из вида. Я быстро разгрузил лодку и затащил ее в кусты на берегу. В середине острова мне посчастливилось обнаружить ложбину, в которой я разбил палатку из куска парусины и перетаскал в нее вещи. Из нескольких плоских камней мне удалось соорудить примитивный очаг. Скоро в нем горел маленький костер, на котором готовилась опостылевшая каша.

Теперь предстояло разобраться с медальонами для иностранцев. Я разложил все шесть медальонов перед собой и приступил к их изучению. Медальоны внешне казались одинаковыми, только камни в середине медальонов светились разными цветами. Камни у четырех медальонов горели бледно-красным светом, свет двух других был бледно-оранжевым. Камни светились неравномерно, они слабо пульсировали каждый в своем ритме. Что-то это напоминало. Стоп, цвет четырех камней совпадает с цветом ауры людей, цвет двух других – с цветом ауры гоблов. Я непроизвольно взял один из медальонов и поднес его поближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Камень на медальоне стал пульсировать все чаще и чаще, и тут меня сильно долбануло, как электротоком. Медальон полетел в одну сторону, а я в другую.

«Спешка нужна только для ловли блох!» – прорезалась в моей голове здравая мысль после того, как я отдышался и перестал материться.

С помощью палочки я вернул медальон в ряд к остальным медальонам и, погрузившись в транс, стал сканировать их внутренним взглядом. Устройство медальона очень напомнило какую-то электротехническую схему из школьной программы по физике. Камень размером с горошину был закреплен между двух круглых пластин в диаметре не больше старого пятака с отверстиями посередине. Пластины находились внутри кольца, обмотанного проволокой. К пластинам от обмотки подходило по одному проводку. Два других проводка, идущие от обмотки, крепились к маленькому рулону фольги, от которого к краям медальона отходили еще два электрода.

«Ну и ну, это же схема простейшего разрядника. Камень – батарейка. Кольцо с обмоткой – трансформатор. Рулон фольги – конденсатор. Электроды – как у шокера».

Вся эта конструкция была залита какой-то смолой между двумя пластинами с гербом и крепилась к цепочке.

«Медальон работает, по-моему, так. В камень, который служит батарейкой и генератором, закачивается энергия ауры конкретного человека. Если камень внести внутрь ауры дру-

гого человека, то камень теряет стабильность и начинает со все увеличивающейся частотой индуцировать переменный электрический ток на пластинах с отверстием, а значит, и в первичной обмотке трансформатора. Со вторичной высоковольтной обмотки энергию накапливает конденсатор. После чего происходит высоковольтный разряд на электродах. Вот и вся магия. Теперь нужно эту теорию проверить. Для начала попытаемся разрядить медальон. Это можно сделать, заземлив электроды шокера и включить медальон», – происходили рассуждения в моей голове.

Заземление я сделал, зажав электроды медальона между двумя ножами, воткнутыми в землю. Потом я стал медленно приближать руку к медальону. Пульсация камня на медальоне участилась, и, когда я почти коснулся медальона, произошел разряд. Большая искра ушла в землю, и запахло горелым. Свет камня стал значительно тусклее. Я снова поднес руку к медальону, и снова произошел разряд. Медальон пришлось разряжать несколько раз, пока камень не погас окончательно.

«Так, теперь нужно зарядить камень своей энергией и посмотреть, что получится».

Погрузившись в транс, я направил энергию своей ауры в камень, прикоснувшись к нему пальцем. Камень понемногу стал оживать и, наконец, засветился бледно-красным светом, пульсация камня происходила в такт с пульсацией моей ауры. Я взял медальон в руку и приблизил его к своей груди. Частота пульсации камня не изменилась, и медальон больше «не кусался».

«Ура, с медальоном я, кажется, разобрался. Осталось перенастроить на себя остальные медальоны. В дальнейшем использую их как защиту от вора».

Через двадцать минут все медальоны были настроены на меня. Теперь наступила очередь меча Лотела. Изучение меча дало неожиданный результат. Меч по своей конструкции оказался гибридом медальона, то есть «чужой» не мог взять его в руки, и одновременно мощным электрошокером, который включался кнопкой на рукояти. Камень механизма по типу медальона находился в гарде меча, а камень шокера – в набалдашнике, внизу рукояти. В рукоять был встроен трансформатор, залитый сверху смолой. В кнопке под указательным пальцем находился еще один маленький камень, который активировал более большой камень в набалдашнике. Вдоль клинка в углублении проходили два электрода, залитые каким-то изолятором. Меч Лотела во время боя можно использовать как мощный электрошокер, активируя его нажатием кнопки. Вот такие чудеса. То, что я смог взять меч в руки без вреда для себя, объяснялось очень просто: камни оказались практически разряженными.

Первым делом я накачал энергией камень защиты «свой – чужой» и настроил его на себя. Затем подкачал камень в кнопке включения шокера. Хотя камень и был сильно разряжен, но пульсировал с высокой частотой. Я закачал камень энергией под завязку, но частоту пульсации изменять не стал. По логике вещей камень работал как резонатор, заставляя пульсировать энергию в большом камне шокера. Теперь нужно зарядить большой камень. Камень оказался очень мощным, и его зарядка ополовинила мои энергетические запасы. Теперь приступим к испытаниям. Я взял меч в руку, он меня признал и не ударил током. Для испытания подходило отдельно стоящее дерево толщиной сантиметров десять. Размахнувшись, я ударил мечом по стволу и нажал кнопку. Меч легко перерубил ствол, а из электродов на конце клинка ударила нехилая молния. Верхушка дерева упала на землю ярко горящим факелом.

«Блин, дурная голова рукам покоя не дает, мало тебе пинка от медальона?» – возник в голове запоздалый вопрос.

Следующие полчаса я посвятил тушению пожара.

«Все, на сегодня экспериментов достаточно. Кольчугой займусь завтра».

Ночь прошла спокойно, а утро началось с опостылевшей каши. После утреннего туалета и осмотра окрестностей внутренним взглядом я занялся изучением кольчуги. Кольчуга тоже имела защиту «свой – чужой» по типу медальона для иностранцев. Но у меня сложилось впечатление, что эта защита была пристроена к кольчуге не мастером, изготовившим

ее, а значительно позже. Механизм защиты оказался выполненным намного грубее, чем сами доспехи. Кольчуга выглядела вещью старинной и сделанной большим мастером. Доспех имел вид рубашки, доходившей почти до колен, с капюшоном и длинными рукавами. Плетение было очень затейливым и многослойным. Кольца на плечах и груди оказались значительно толще, чем на руках и сбоку. На груди кольчуги в оправу в виде восьмигранной звезды был вставлен большой розовый камень. Камень находился в центре очень сложной паутины, которой являлась кольчуга. В звеньях кольчуги в определенном порядке вставлены мелкие коричневые камни. У меня почему-то возникла ассоциация с антенной радиолокатора. Но для чего нужен этот локатор, было непонятно. Проломав голову часа полтора, я решил идти проверенным методом тыка.

«Сначала зарядим камни в кольчуге и настроим их на себя. Затем посмотрим, что получится».

Зарядка и настройка много времени не заняла.

«Опыт не пропьешь!» – промелькнуло в голове.

Я разложил кольчугу на земле и стал ее сканировать. Все вроде было в порядке, камни заряжены и настроены, а кольчуга не работает.

«В чем дело? Пойдем по порядку. Раз используем метод тыка, значит, надо тыкать», – пришло в голову простое решение.

Я взял палку и стал ею нажимать на разные места кольчуги. Ничего не менялось, пока я не нажал на камень в центре плетения. Раздался щелчок, и по кольчуге побежали маленькие искорки.

«Ура, заработало!» – как сказал бы кот Матроскин.

«И что дальше? Что дают эти искорки?» – возникли у меня следующие вопросы.

Снова нажав палкой на камень, я выключил кольчугу.

«Нужно кольчугу на что-нибудь повесить и испытать».

Подвесив кольчугу на ветки куста, я включил ее и, наученный горьким опытом, спрятался за большой камень, и уже из-за него бросил в кольчугу нож. Через мгновение нож со свистом пролетел в обратную сторону у меня над головой.

«Мама дорогая, это же силовой экран!» – мелькнула догадка.

Следующие полчаса я кидал в кольчугу чем попало. Все металлические предметы отскакивали от кольчуги с удвоенной скоростью, даже не долетая до нее. Камни, палки и другие неметаллические предметы долетали до кольчуги без препятствий. Я выключил кольчугу и надел ее на себя, затем снова включил.

«Кольчугу нужно надевать на рубашку», – сразу дошло до меня: искорки, окутавшие кольчугу, неприятно кололись в тех местах, где кольчуга касалась обнаженного тела.

Переодевшись в рубаху с длинными рукавами и стоячим воротом, я снова надел доспех и включил защиту.

«Для начала попробую ударить себя ножом», – решил я и несколько раз попытался ударить себя ножом в грудь.

Чем сильнее я бил, тем сильнее отбрасывало мою руку с ножом.

«Да, хороша кольчужка, но для простого наемника, даже хумана, слишком круто. Придется отложить кольчугу до лучших времен или надевать подо что-то, чтобы ее не было видно».

С кольчугой я вроде разобрался. В город придется надевать кожаный панцирь, правда, защиты от него никакой, но делать нечего.

«За неимением гербовой пишут и на простой», – вспомнилась старинная поговорка.

Я снял кольчугу и запаковал ее в кусок парусины. Теперь нужно привести в порядок кожаный панцирь и наручи. Панцирь после моего купания во время кораблекрушения уже хорошо просох и на первый взгляд от воды сильно не пострадал. Я взял панцирь и стал чистить его тряпкой. На спине панциря под левой лопаткой зияло трехгранное отверстие, скорее всего

от попадания стрелы. Похоже, панцирь сменил хозяина против его воли. Меня заинтересовала проволоочная сетка, которая выглядывала между слоями спрессованной кожи. Проволока оказалась медной.

«Зачем она нужна, если толку от нее нет, медь ведь слишком мягкая? Нужно просканировать панцирь».

Сканирование дало интересные результаты. Внутренняя начинка панциря схематически напоминала конструкцию кольчуги, только была намного грубее. Медная вязаная сетка имела более крупную ячею, чем кольца кольчуги. Место коричневых камней у панциря занимали медные заклепки. Камень в центре груди отсутствовал, а лепестки оправы разогнуты. Оправа была рассчитана на меньший, чем в кольчуге, камень. Углубление, в которое вставлялся камень, оказалось чем-то замазано, и я поэтому его сразу не заметил. Защиты «свой – чужой» панцирь не имел.

«Но у меня же есть камни из сундука капитана, может, какой-то из них и подойдет?»

Мне удалось острием ножа осторожно очистить оправу от «замазки» и выправить лепестки, которыми крепился камень. Достав камни Силы из парусинового узелка, я разложил их перед собой. Пришлось снова распаковать кольчугу, чтобы сравнить камни, найденные в сундуке капитана, с камнем на ней. Из семи камней два были похожи по цвету на камень в кольчуге. Один из камней оказался слишком крупным, второй же должен был поместиться в оправе. Я начал подгонять оправу под камень, расширяя ее с помощью ножа. Через полчаса мне удалось установить и закрепить камень.

«Стоп, а как включается защита? В кольчуге она включается нажатием на камень, а здесь такого механизма нет».

Я снова просканировал панцирь. Немного выше камня мне удалось обнаружить две крупные заклепки, к которым шли провода от оправы. В головках заклепок виднелись углубления, скрытые «замазкой». По логике вещей здесь должна вставляться перемычка, замыкающая цепь. Используя Силу, я изготовил перемычку из гвоздя, которым разжигал костер. Еще раз просканировав всю конструкцию, я решил зачистить медные бляхи на застежках, по ним энергия должна передаваться на сетку в задней половинке панциря.

«Проверяем все снова. Камень на месте. Застежки застегнуты. Перемычка снята. Заряжаем камень и вставляем перемычку».

Зарядив камень, я осторожно вставил перемычку в отверстия заклепок. Раздался щелчок электрического разряда, и по поверхности панциря пробежали искорки. Камень начал заметно пульсировать. Я отошел на несколько шагов и бросил в панцирь остатки гвоздя. Гвоздь отлетел в сторону, отбитый энергетическим щитом панциря. Эффект оказался несколько другим, чем у кольчуги: панцирь не отбрасывал предмет назад с увеличенной силой, а только отводил его в сторону. Я надел панцирь и попытался ударить себя ножом в грудь, нож увело в сторону. Он как бы соскользнул по невидимому куску льда, отводящему лезвие от панциря.

«Вопрос с доспехами решен, пора выходить в люди», – окончательно оформился в голове план дальнейших действий.

После обеда я стал готовиться к отплытию. Внимательно осмотрев и подремонтировав лодку, я рассортировал и упаковал вещи, починил и постирал одежду. Вся эта рутина заняла много времени и сил, ужинать пришлось в темноте у костра. Спать пока не хотелось, и я, разложив на коленях карту, стал строить планы на завтра. Если верить карте, то завтра я доплыву до города на берегу озера.

В городе задерживаться надолго очень опасно, иностранец, пытающийся легализоваться, всегда привлекает внимание властей. Хуман из меня липовый, стоит натолкнуться на первого соплеменника, и мои понты улетят в кусты вместе с головой. Мне нужно осесть в каком-нибудь незаметном месте, где не принято задавать лишних вопросов и где можно легко скрыться от внимания местных спецслужб. Ситуация на Геоне мне неизвестна, но район пересечения гра-

ниц трех государств дает возможность сделать выбор, в каком из них обосноваться. Как он называется, я прочитав не мог, но этот город находился на пересечении морских и сухопутных дорог, и оттуда можно было отправиться на юг к границе. Куда конкретно, решу по обстановке уже в городе. Высадиться нужно, не доплыв до города, и спрятать лишние вещи и деньги на черный день.

«Да, но как я мог забыть о мече Лотела? Это вещь дорогая и очень заметная. Лотел – человек далеко не последний, и его, наверное, уже ищут, и тут заявляюсь я с его мечом. Прямо как в том анекдоте: "Вся публика в дерьме, и тут появляюсь я во всем белом". Ладно, ножны обмотаю парусиной или сдеру с них все украшения, потом куплю новые. С этим решил, а как замаскировать меч?» – возникли в голове неприятные мысли.

Я вынул меч из ножен и положил себе на колени.

«Рукоятку обмотаю кожаным ремешком, так даже лучше – рука скользить не будет. Камень на рукоятке нужно чем-то закрыть от посторонних глаз. Символы на гарде необходимо как-то удалить. Эх, если бы можно было нарисовать что-нибудь на клинке, сам бы Лотел его не узнал бы».

В прошлой жизни я неплохо рисовал, даже подрабатывал в институте, копируя рисунки для татуировок. Результат этого хобби, королевская кобра, красовался на моем левом предплечье.

«Стоп, а почему нельзя нарисовать? У меня же получилось срезать петли на сундуке лучом Силы».

Отложив в сторону меч, я достал нож и, погрузившись в транс, вызвал тонкий лучик Силы из указательного пальца руки. Чаще всего для татуировки мне заказывали рисунок кобры, она у меня особенно хорошо получалась. На этом рисунке я хорошо набил себе руку. Буквально за пять минут мне удалось нарисовать кобру на клинке ножа. Лучик Силы, как лазер, испарял узкую полоску металла, оставляя за собой четкий темный след. Рисунок на ноже мне явно удался. Закончив с ножом, я перешел к мечу. Первое, что необходимо сделать, – это удалить похожие на иероглифы знаки с гарды меча. На их месте мне удалось выжечь рамочки с обеих сторон гарды. Внутри рамок я написал: «Спаси и сохрани». Удовлетворившись полученным результатом, я перешел к клинку. Наверное, на меня сошло вдохновение, потому что так легко мне никогда не рисовалось. Рука сама двигалась по поверхности клинка, извлекая из глубины металла образ царицы змей – кобры. Луч Силы, выходящий из кончика указательного пальца, служил мне кистью, которой я рисовал, не замечая ничего вокруг. Примерно через час мой труд подошел к концу. Я протер клинок куском парусины, взглянул на свое произведение в колышущихся отблесках костра и в испуге отшатнулся. Кобра была как живая, и казалось, что она шевелится.

«Нарисовал зверушку, сам чуть зайкой не остался», – рассмеялся я про себя.

Осталось только обмотать рукоятку кожаным ремешком и закрыть чем-то камень на рукояти. Ремешок из кожи я вырезал с помощью Силы, рука нигде не дрогнула, и ремешок получился на загляденье. Я замочил его в воде и перешел к маскировке камня. Достав из шка-тулки все монеты, я отобрал две, не похожие на другие. Монеты подходили по размеру, и мне удалось приварить их с помощью Силы над отверстиями, через которые был виден камень. Ремешок за это время намок и хорошо растягивался. Плотнo и аккуратно обмотав им рукоять меча, я петлей затянул концы под оплетку. Работа настолько увлекла меня, что я проработал до самого утра. С первыми лучами солнца мне с трудом удалось заползти в палатку, где я провалился в забытие.

Проснулся я только около полудня. Опять разогрел проклятую кашу и поел. Отплыть сегодня уже не получится, поэтому решил заняться ножнами меча.

Положив ножны на плоский камень, я ножом соскоблил все украшения, оставив только кожу. Решив не заморачиваться, выжег на коже простой геометрический орнамент при помощи Силы. Получилось довольно симпатично.

Осмотр вчерашней работы показал, что кожаный ремешок высох и натянулся, плотно охватив рукоять меча. Клинок при свете дня выглядел эффектно, даже Лотел теперь не смог бы признать его своим. Повесив меч себе за спину, я решил заняться поисками места для подзарядки своей энергетики. Подходящий поток Силы нашелся на высоте трех метров от земли, и для подзарядки пришлось лезть на дерево. Подзарядиться удалось всего минут за двадцать, наверное, уже сказывался опыт и сноровка. Побродив по острову и просканировав окрестности внутренним взглядом, я ничего тревожного и интересного не заметил. После ужина сразу лег спать в надежде проснуться пораньше. Лежа у костра, я смотрел в безоблачное ночное небо, усеянное мириадами звезд с не похожими на земные созвездиями. Над горизонтом вставала чужая луна. Умолкли голоса птиц, еще недавно доносившиеся из крон деревьев. Я закрыл глаза и ушел в глубину своего сознания. Постепенно проявилась энергетическая картина мира, и меня сморил сон.

Глава 11

ВЫХОД В ЛЮДИ

Проснулся я как по сигналу будильника, с первыми лучами солнца. К отплытию все было готово уже с вечера, и мне оставалось только умыться, одеться и позавтракать. Поев, я перетаскал оставшиеся вещи в лодку и, спустив ее на воду, отплыл. Войдя в транс, синхронизировал потоки энергии с ритмом гребли и направил лодку в ту сторону, где на карте располагался город. Постепенно мой организм приспособился к гребле с помощью Силы, и процесс пошел на автомате. Солнце перевалило за полдень, а признаков приближения к городу все не было. Я уже хотел пристать к берегу на обед, но заметил на горизонте парус. Отложив весло, я погрузился в глубину сознания и поднялся над своим физическим телом. За горизонтом мне удалось заметить ауры экипажей еще трех кораблей. Раньше так далеко заглядывать с помощью Силы у меня не получалось. Ауры экипажа ближайшего корабля четко выделялись на фоне энергетической картины мира, но чем дальше находился объект наблюдения, тем хуже он был различим на фоне аур деревьев на берегу. Заглянуть за горизонт мне удалось, наверное, только потому, что на поверхности озера не было экранирующих ауры людей препятствий. В лесу, а тем более в городе у меня со сканированием Силой должны возникнуть проблемы. Выйдя из транса, я продолжил грести в том же направлении, что и раньше. Корабль на горизонте плыл мне навстречу, но я решил не сворачивать, только стал грести медленнее, а то уж больно подозрительно быстро плыла моя лодка. Через час корабль оказался на расстоянии двухсот метров. Экипаж на меня внимания не обратил, и мы разошлись с кораблем левыми бортами. Впереди показались другие корабли и лодки. Город находился где-то рядом. Вскоре на берегу стали видны крепостные стены и причалы с пришвартованными кораблями. Я проплыл мимо рыбацких баркасов, с которых ставили или выбирали сети. Другие лодки сновали вдоль берега в разных направлениях, и никому до меня дела не было. Безразличная реакция на появление моей лодки очень радовала. Мне удалось причалить к берегу недалеко от края пристани. Выложив баул с вещами на настил причала, я вылез из лодки и осмотрелся. На берегу вдоль пристани располагались сараи, лавки, склады и другие строения. Довольно много народа сновало вдоль причалов по своим делам. Я привел свою одежду в порядок и надел панцирь, после чего пристроил за спиной меч в ножнах. Включать панцирь я не стал, чтобы не вызывать подозрений. Еще раз осмотрелся по сторонам, и мой взгляд остановился на трех мальчишках. Ребята искоса рассматривали вновь прибывшего, делая вид, что он им неинтересен. Я махнул ребятам рукой, и троица пулей подбежала ко мне. Старшему мальчишке на вид было лет десять, двое других выглядели года на два моложе.

– Пацаны, как ваш город называется и какие у вас здесь порядки? – спросил я, хмуро посмотрев на них.

– Господин, город называется Арис, а причал принадлежит Хромому Чаку. За лодку нужно платить два медных чижа в день, – ответил старший.

Я вынул из-под панциря кошелек с медными монетами, доставшимися мне в наследство от погибших матросов, высыпал несколько из них на ладонь и протянул мальчишке. Парень выбрал две самые маленькие, с изображением птицы, и быстро отбежал к здоровому мужику, сидевшему на скамье у причала. Быстро переговорив с ним, мальчишка отдал деньги и вернулся.

– Где тут у вас приличная гостиница?

– В городе есть гостиница для наемников, «Шлем» называется, – ответил мальчишка.

– А недалеко от пристани есть что-то подходящее?

– Рядом с городскими воротами есть гостиница «Роза». Там благородные останавливаются, но там дорого.

– Веди, – сказал я мальчишке.

Пацаны подхватили мой баул и потащили его к выходу с пристани. По дороге я остановился рядом с Хромым Чаком и, добавив еще четыре чижа, сказал:

– Это плата за три дня, не прозевай лодку.

Хромой Чак молча кивнул, и мы пошли дальше. До ворот города наша компания добиралась около получаса. Народу на дороге было много, но люди, увидев меня, старались быстро уступить дорогу. Пару раз я случайно с кем-то сталкивался, но оппонент сразу рассыпался в извинениях, хотя виноват был я, видимо, репутация у хуманов крутая. У ворот города стояли три стражника в потрепанных кожаных доспехах и с копьями в руках. Я спросил моего старшего провожатого, какова плата за вход в город.

– Три чижа, – ответил тот.

Проверив мой медальон и взяв плату за вход в город, стражники нас пропустили. Пройдя по улице метров триста, мы подошли к красивому трехэтажному зданию с колоннами и вывеской с нарисованной красной розой.

– Мы пришли, – доложил старший мальчик.

– Сколько с меня?

– Три чижа, – пряча глаза, ответил парень.

– Приходи завтра с утра, сможешь заработать еще, – усмехнулся я про себя и отдал ему три монетки.

Дверь в гостиницу мне открыл высокий парень, одетый в костюм, чем-то похожий на ливрею. Войдя в холл гостиницы, я сразу направился к стойке, за которой находился представительный мужчина, по всей видимости метрдотель.

– Что вам угодно? – с удивленным видом спросил он.

– Хочу остановиться в гостинице на три дня.

– Номер в гостинице стоит один серебряный империал в день, питание в ресторане оплачивается отдельно.

Я достал из кошелька четыре серебряные монеты с гербом империи и отдал их мужчине.

– Мне нужно вымыться, постирать одежду и обед в номер. Этого хватит?

– Добавьте еще один империал, и все будет исполнено в лучшем виде, – ответил метрдотель и махнул рукой прислуге.

Ко мне немедленно подскочил коридорный и, забрав баул, повел на второй этаж в номер. Номер оказался довольно большим. Двухспальная кровать под балдахином стояла вдоль левой стены. У окна находился квадратный обеденный стол с четырьмя стульями. Вдоль правой стены стоял шкаф с посудой. Рядом с ним – шкаф для одежды и обитый железом сундук, в замке которого торчал ключ. С правой стороны от двери в номер ширма отгораживала пространство с умывальником и креслом. Крышка у кресла откидывалась вверх – под ней оказался горшок. По всей видимости, эта конструкция заменяла туалет. Бросив вещи в сундук, я снял меч и панцирь. Хотел пойти умыться, но в это время постучали в дверь и двое коридорных внесли большую деревянную бадью. Затем другая прислуга наполнила бадью горячей водой. В номер вошла горничная и принесла полотенца и халат.

– Господин, вам помочь? – спросила она.

– Ничего не имею против этого, – ответил я и стал раздеваться.

Девушка мое поведение восприняла спокойно, и я залез в бадью с горячей водой. Господи, какое блаженство после всех передрыг, случившихся со мною, лежать в горячей воде и чувствовать на своем теле нежные женские руки. Дамочка свое дело знала хорошо, и уже через час я чисто вымытый лежал в халате на кровати и ждал обед. Горничная забрала мою одежду и сапоги в чистку.

– Что делать с панцирем?

– Пришлите кого-нибудь с принадлежностями для чистки кожи в номер. «Заодно посмотрю, как это делается», – подумал я про себя.

Два официанта принесли в номер обед и расставили посуду на столе. Я вылез из кровати и сел за стол. Столовый прибор состоял из серебряной ложки, двузубой вилки и ножа. По всей видимости, ничего иного для еды даже в другом мире придумать сложно. На обед мне подали мясной суп с лапшой, жареное мясо с овощами и острым соусом, салат и напиток, похожий на бражку или на вино с пряностями. В меню оказался даже хлеб в виде пресных лепешек. Ел я не торопясь, смакуя каждый кусок. После перехода в этот мир мне приходилось питаться в основном разной дрянью и кашей, на которую теперь аллергия на всю оставшуюся жизнь. После еды официанты быстро убрали посуду и вышли из номера. Я перебрался на кровать и уже почти заснул, но тут появился слуга чистить панцирь.

– Забери панцирь и уматывай, и чтобы панцирь до утра блестел, – пришлось выгнать задолбавшую уже прислугу.

Закрыв за слугой дверь на задвижку, мне наконец удалось завалиться на кровать и заснуть.

Утром меня разбудил стук в дверь, это принесли мою одежду. Переодевшись и забрав меч и деньги, я вышел в холл гостиницы. Возле метрдотеля меня уже ждал вычищенный панцирь. Надеть панцирь и меч – секундное дело, и, подойдя к зеркалу в холле, я стал рассматривать свое отражение. Впервые мне удалось увидеть себя в новом обличье. Из зеркала на меня смотрел здоровый, лысый и угрюмый дядька. Прошло море времени, а волосы на голове и лице так и не стали расти, только брови немного восстановились. С таким типом в темном углу встретиться страшно, грохнет и не почешется. Вот такой я теперь сисадмин с большой дороги, интеллигент во втором поколении. Да, побила меня жизнь за последнее время. Есть не хотелось, обильный вчерашний ужин еще не переварился.

«Поем в городе», – решил я, выйдя на улицу.

На противоположной стороне меня уже ждала вчерашняя компания пацанов. Старший сразу подбежал ко мне.

– Пошли, покажешь город. Сначала пойдем на рынок.

Пацан кивнул и побежал впереди, показывая дорогу.

Рынок находился на большой квадратной площади, заставленной телегами и прилавками под парусиновыми навесами. По периметру площадь застроена двух– или трехэтажными магазинами и лавками. Толчея была страшная, и я не рискнул углубиться в этот водоворот. Здесь через пять минут даже штаны снимут, и не заметишь.

– Где магазины с одеждой? – обратился я к пацанам.

– Есть, только дальше по улице, а не на рынке.

Свернув на боковую улицу, мы попали в царство местных кутюрье. Вся улица оказалась одним большим магазином одежды и обуви «Все для вас за ваши деньги». Потратив два часа, мне удалось полностью сменить свой гардероб. Фасон я менять не стал, но вещи купил все новые и добротные. Гардероб пополнили двое штанов, две рубашки, парусиновый плащ с капюшоном и короткие сапоги с крагами. Переодевшись в один из комплектов, остальную обнову я отправил с мальчишкой в гостиницу.

– Теперь ведите к магам, мне нужно зарядить амулет.

– Это в префектуру надо, – отозвался старший из ребят. – Маги там сидят.

Префектура находилась недалеко от рынка, улица от него вскоре закончилась круглой площадью с фонтаном.

– Вот префектура. А вот это храм Сиды. – Парень указал сначала на трехэтажное каменное здание, а затем на красивый храм с колоннами в греческом стиле.

– Ждите здесь, – кивнул я пацанам и направился в префектуру.

– Куда прешь! – загородил дорогу здоровенный охранник.
– Мне нужно к магам медальон зарядить.
– Господа маги не принимают.
– А так примут? – спросил я, сунув в руку охранника монету в пять чижей.
– Так примут, – усмехнулся охранник. – Направо по коридору, там дверь с окошком. Меч оставь здесь, не стащат.

– Будь поосторожней с мечом, он чужих рук не любит, – предупредил я охранника.
– У тебя меч заговоренный? Дорогая вещь? – удивился охранник.
– Да уж не дешевая, – ответил я и вошел в префектуру.

На стук окошко открыл молодой парень.

– Чего надо?

– Мне медальон зарядить, – ответил я.

– Заходи.

За дверью находился коридор с двумя дверями. Парень постучал в одну из них.

– Господин Луций, к вам клиент, – открыв дверь, сказал он.

Из двери вышел солидный мужчина в голубом, расшитом серебром халате.

– Хуман? Медальон зарядить? – спросил меня маг. – Идите со мной.

Мы вошли в соседнюю дверь. В комнате стояло кресло, напоминающее парикмахерское, с «феном» над головой и агрегат непонятного назначения. Агрегат выглядел как большой резной сундук с восьмигранной деревянной вазой на крышке. Всю эту хрень опутывали золотые и серебряные провода. Ваза на крышке напоминала восьмигранную пентаграмму, в углах которой вставлены камни, закрытые металлической сеткой. На постаменте в центре вазы светился красный камень в красивой оправе. Над ним на кронштейне крепился колпак с проводами.

– Клади сюда медальон, – приказал маг.

Я снял медальон с шеи и положил его в углубление на агрегате.

– Садись в кресло.

Маг закрепил мои руки ремнями на подлокотниках кресла и опустил мне на голову «фен».

– Не дергайся. Закрой глаза и очисти свои мысли.

Маг подошел к ящику на стене. Ящик напоминал своим видом распределительный щит с рубильниками. Повернув один из рубильников, маг поднес руку к амулету. Щелкнул электрический разряд.

«Амулет разряжал», – возникла в голове догадка.

Затем маг опустил колпак на камень в центре вазы и переключил несколько рубильников. Раздалось гудение, как от трансформатора. Кожу на моей голове стало покалывать слабыми разрядами тока. Я закрыл глаза и вошел в транс, сканируя обстановку. Постепенно проявились энергетические потоки вокруг меня. Я осторожно просканировал мага. Меня удивило то, что аура вокруг его головы была раза в два слабее ауры Леора.

«Если таков городской маг, то какие же остальные? Это хорошо, что магическая сила у него невелика... "Фен" на моей голове – обмотка для снятия энергии моей ауры. Камень в центре вазы – аккумулятор, подающий питание на агрегат. Импульсы энергии от ауры синхронизируют поток энергии, снимаемый с красного камня, и с помощью обмотки передаются на камень медальона», – анализировал мозг происходящее.

Сидеть пришлось около часа. Да, хреновый у агрегата КПД. Я за три минуты медальон под завязку заряжаю. Наконец маг выключил агрегат и отвязал меня от кресла.

– С тебя четыре империяла, – сказал он.

– Раньше было три, – сделал я удивленный вид.

– Твой медальон разряжать пришлось, а это затраты магической энергии. Камень Силы быстро разряжается, а заряженный из Мерана только через два месяца привезут, – вешал мне лапшу на уши вороватый маг.

Пришлось доставать четыре империаля. Повесив медальон на шею, я направился к выходу из префектуры. Возле дверей на полу сидел мокрый охранник и с квадратными глазами тряс рукой.

– Я же тебя предупреждал: не хватай меч. Сам виноват.

– Пошел к че-черту! – заикаясь, просипел охранник.

На улице ко мне подбежали мальчишки.

– Дяденька хуман, он хотел ваш меч взять, а его как шарахнет. Мы его водой еле отлили, боялись, помрет.

– Вот что бывает, когда чужое без спроса берешь, – рассмеялся я. – Теперь ведите в «Шлем».

До «Шлема» пришлось добираться через весь город, гостиница с таверной находилась у противоположных ворот города. Расплатившись с мальчишками, я вошел в таверну. В большом зале было тихо и уютно. Народу оказалось немного, и мне сразу нашелся свободный стол в углу возле окна. Как только я уселся, ко мне подбежал шустрый половой.

– Что изволите, господин? – подобострастно заглядывая мне в глаза, спросил он.

– Обед по твоему выбору. Кто у вас за хозяина?

– Сей минут будет исполнено. – Половой удалился к барной стойке, о чем-то переговорив там с барменом.

Через некоторое время бармен подошел ко мне.

– Бонк, управляющий, – представился он.

– Меня зовут Ингаром. Я хочу наняться в караван на юг. Не можешь ли ты посодействовать?

– Приходите вечером. Здесь будут купцы, которым нужна охрана. Я расскажу им о вас.

– Сколько я должен за беспокойство?

– Пять чижей, господин Ингар.

Получив деньги, Бонк удалился. Вскоро половой принес еду и вино. Плотно пообедав, я подзвал полового:

– Сколько с меня?

– Десять чижей, – ответил половой.

Я кинул на стол империяль и стал ждать, что будет дальше. Половой схватил монету и, сбегав к бармену, принес сдачу. В империяле оказалось сто чижей. Монеты были по пять и десять чижей. Пятаки мне уже приходилось видеть, а гривенники еще нет. Достав из кошелька монету в один чиж, отдал ее половому на чай.

«В крутой гостинице я устроился. Если задержусь в городе больше трех дней, нужно съезжать в отель подешевле».

Перед тем как уйти, я подошел к бармену и спросил:

– Сколько у вас стоит комната?

– Комната на одного стоит империяль за пять дней. На двоих – империяль за семь дней. Комната на пятерых – империяль за десять дней с человека, – ответил бармен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.